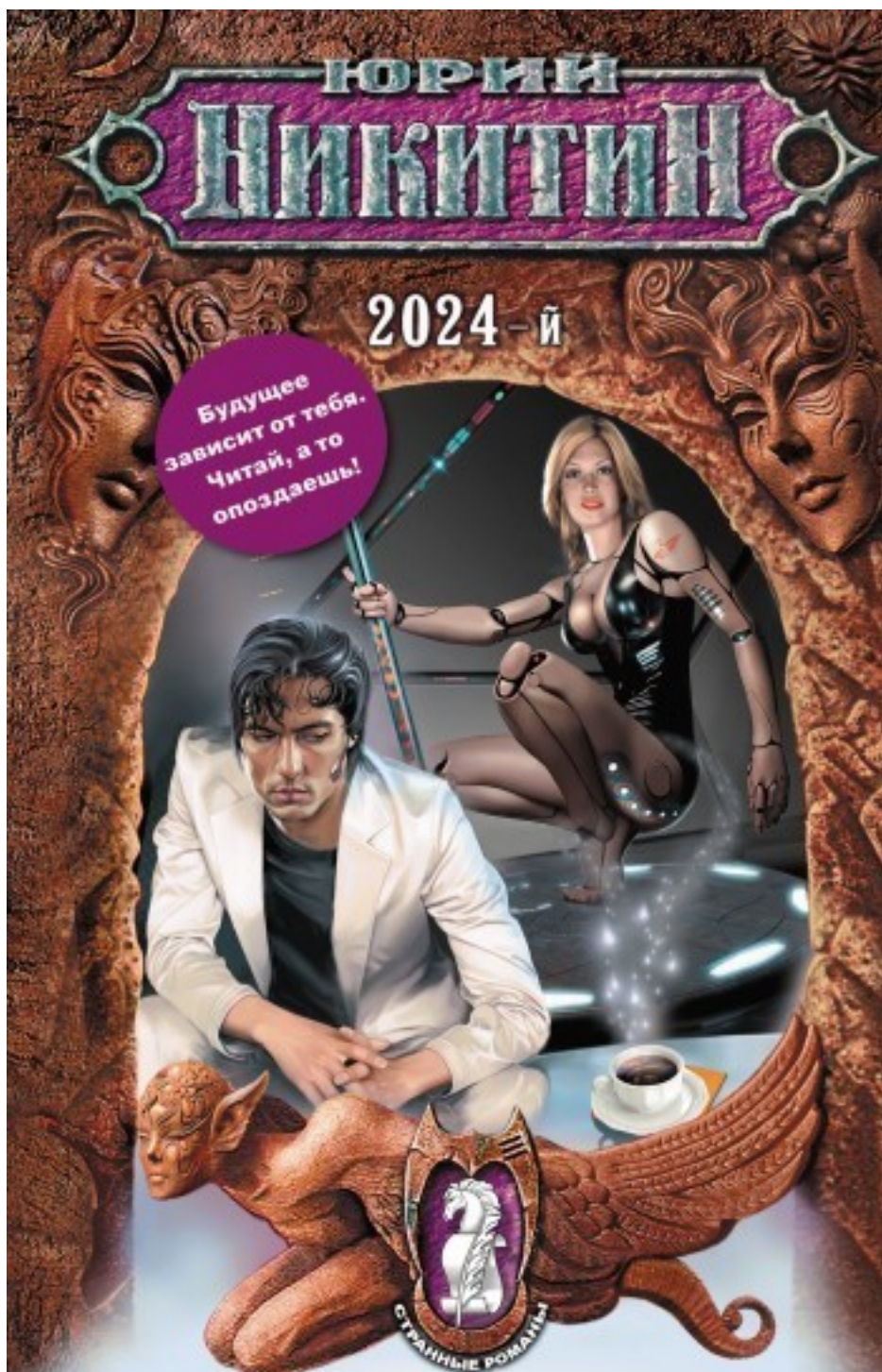

ЮРИЙ НИКИТИН

2024 - й

Будущее
зависит от тебя.
Читай, а то
опоздаешь!

Странные романы

Юрий НИКИТИН

2024-й

«ЭКСМО»

2009

Никитин Ю. А.

2024-й / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2009 — (Странные романы)

ISBN 978-5-699-33413-1

Новый шокирующий и скандальный роман о завтрашнем дне, в который войдем уже в этом году и пойдем дальше... благодаря новым технологиям! Впереди маячил Таргитай, разорванные на заднице портки болтало по ветру. – Тарх! – рявкнул Мрак. – Бес бы тебя побрал! Ты еще вчера портки распорол! Почему не залатал? Надоело смотреть на твою голую задницу!– Мрак, – сказал Таргитай робко, – я вижу эти белокожие березы, что, как девушки, собрались стайкой, смеются и шепчутся, вот-вот пойдут в хороводе... зрю могучие дубы, так похожие на тебя, солнечные лучи проникают сквозь листву, а она светится странно и таинственно... Пушистые облака над деревьями похожи на невинных барашков, их подсвечивает солнце, они осыпаны золотым песком, чистым и невесомым... Мир велик и прекрасен... Но куда смотришь ты?

ISBN 978-5-699-33413-1

© Никитин Ю. А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Предисловие	5
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	51
Глава 10	57
Глава 11	61
Глава 12	65
Глава 13	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юрий Никитин

2024-й

Предисловие

Знаю, знаю, что именно поставят мне в вину хорошие, добрые и правильные люди, прочитав эту книгу или же только начав читать. Те самые, на которых держится этот мир. Мне 70, и я испытал на себе, как эти самые добрые и правильные в составе особых патрулей «народных дружин» останавливали нас, подростков, на улицах и с самыми лучшими намерениями распарывали нам брюки («нельзя носить зауженные, неприлично»), клещами отрывали подметки («неприлично ходить на толстой») и ножницами там же, прямо на улице, срезали чубы и длинные волосы: «мужчины должны стричься только под „бокс“ или „полубокс“.»

Конечно же, за попытку станцевать буги-вуги, а потом и рок-энд-ролл эти хорошие и правильные люди сразу исключали из института. Потом пришла пора коротких юбок (не мини, а просто коротких, по колено), и тоже были исключения из институтов и университетов, увольнения с работы. Девушкам нельзя было пользоваться косметикой, нельзя делать прически... нет-нет, дело даже не во власти, а в том, что сами эти хорошие и правильные люди, на которых держится мир, искренне считали себя правыми и вполне искренне (с покровительства и по науськиванию властей) принимали к молодежи меры, «чтоб им же было лучше»! Самое жуткое было в том, что это делали не какие-то ужасные взрослые, они всегда чуточку марсиане, а наши одногодки, только в отличие от нас «хорошие и правильные»!

Потом, правда, когда новое все равно пробивало дорогу и оказывалось, что силой ничего не остановить, хорошие и правильные злословили: прическа – «Я у мамы дурочка», платье – «Мужчинам некогда», намекая на доступность женщин с таким макияжем, с такими прическами и в таких платьях. По мнению хороших и правильных, на которых мир держится, – «ни поцелуя до свадьбы», обесчещенная должна непременно утопиться, или броситься под поезд, или еще как-то уйти из мира, чтобы не поганить своим присутствием хороших и правильных, на которых держится мир.

В технике молодежь принимает с восторгом новинки, но в области морали и «приличий» даже тинейджеры все еще похожи на старых бабок на лавочке, что злословят по поводу проходящих мимо модников. Мол, технический прогресс давай, описывай, но изменений в обществе не касайся! Про интимную сферу вообще чтоб ни-ни. Которая, кстати, давно уже не интимная. Во всяком случае, покопулироваться – никакой не интим. Как и полежать голыми рядом на пляже. Сейчас интим – то ли посидеть рядом в туалете, то ли что-то еще, не знаю, не интересовался шибко. В этом романе затрагиваю все сферы будущих изменений в обществе, именно все, а не выполняю подцензурный концерт по заявкам хороших, добропорядочных и правильных, на которых держится мир.

Потому что хоть мир держится на них, но двигают его не они, а те, кому они распарывали узкие брюки и которых исключали из вузов.

26 октября 2008 г.

П.С.

Предыдущие книги когистского направления вызвали озлобленный вой из-за того, что я посмел коснуться изменений также и в сексуальной сфере человека. Не все, конечно, взвыли, но большинство. Не секрет, дураков на свете именно это самое большинство. Даже абсолютное, к сожалению. Оно почему-то пропускало все-все нужное и умное, для чего и написаны романы,

зато, сладострастно похрюкивая, выбирало места, где «сиски», а потом на форумах, меняя ники, гневно клеймило автора за эти сцены, обвиняя в разных комплексах.

Для аннотации к этому роману я взял эпизод из «Троих в Песках», изданных в 1993 году. Что ж, если кто-то опять же заметит в «2024-м» только сексуальные сцены, это скажет о комплексах читающего, а не автора. Автор же показывает изменения во всех сферах жизни, не избегая неизбежных изменений и в интимной области. Не секрет, изменения там происходят почти с той же скоростью, что и в хай-теке. Во всяком случае, при моей жизни произошли три компьютерные революции и три сексуальные. Если кто-то все еще не врубился, отсылаю к «Мне – 65», где на примере бабушки-дочери-внучки показаны все три, а вовсе не для иллюстрации крутости автора, как решили все те же сексуально закомплексованные.

Мир меняется стремительно. Нам в нем жить, но это самое большинство представляет его по-прежнему в осточертевшем стиле «машин больше, морды ширше», а прочее таким же, даже галактические войны, где солдаты будут драться лазерными мечами и десантными ножами. Хуже того, требует именно такого будущего от авторов.

Но так не будет.

Как бы ни пытались его тормозить, но мы все равно меняем. Хотя обгавкивают нас очень старательно, а то и кусают. Порой – больно.

26 октября 2008 г. Вечер.

ППС. Нет, надо все-таки мягше, мягше, ну что это я такой злой, они ж не понимают, а я сразу палкой по голове! Это у меня от комплекса: я ж вот, такой тупой, понимаю, а почему они, такие умные, не врубаются даже после палкой по голове?

Итак, медленно и на пальцах: сто лет назад, когда рисовали картинки будущего, уже достаточно точно предвидели и развитие воздухоплавания, и разрастание городов, и сверхмощные машины, и сверхкорабли, и огромные телевизоры, где прямо в квартиру идут передачи из Императорского театра.

Но, блин, везде мужчины во фраках, в цилиндрах и с закрученными усами «а-ля кайзер Вильгельм». Женщины, естественно, в широких платьях до полу, в шляпках, в руках обязательные зонтики от солнца. Словом, все заглядывают далеко вперед – и довольно точно! – в плане науки и техники, но никто-никто и мысли не допускает, что нечто может меняться и в социальной жизни!

Но еще телевизоры только-только появились, экраны были размером с почтовую открытку, но уже грянула сексуальная революция, разом отменившая цилиндры и длинные платья. Те, кто рисовал немыслимо огромные и сверхмощные самолеты на десять, а то и двадцать персон, были бы шокированы предположением, что в числе пассажиров будут и женщины в юбках... открывающих лодыжки! Даже – колени... какой ужас, какое бесстыдство! Те, кто удивительно точно предсказал появление прямых трансляций концертов из театров по телевидению, ужаснулись бы и ни за что не поверили, скажи им, ЧТО будут транслировать!!! И, конечно, сказали бы, что брякнувший такое – сексуальный извращенец, помешанный, с комплексами и пр., пр.

И сейчас те простые и даже очень простые люди совсем не против прогресса науки и техники. Но... пусть мужчины останутся во фраках и цилиндрах, а женщины – в длинных платьях!

Я вам сочувствую. Правда-правда. Сам иногда такой. Чуйствами. Но у нас есть еще и головы. Так пользуйтесь же!

27 октября 2008 г. Утро.

Часть I 2009-й год

Глава 1

В кабинет заглянул Тимур Косарь, с утра уже помятый и недовольный.

– Володя, – сказал он хриплым голосом, – тут пришли какие-то...

Сердце мое тревожно екнуло, я вскинул голову, Тимур смотрит очень серьезно и требовательно.

– Из налоговой? – спросил я натужно бодро.

Он отмахнулся:

– Да кому такая мелочь нужна? С нас еще стричь нечего. Из юридической фирмы.

– Какого хрена? – спросил я настороженно. – Услуги предлагают? Гони. Только вежливо.

Юристы – народ пакостный и злопамятный.

Он покачал головой.

– Нет, как раз грозят будущими штрафами и преследованием по закону.

– Грозят?

– Намекают, – поправил он себя, педантичный, всегда придерживается точных формулировок. – Пока нас привлечь еще нельзя, говорят, но направление наших работ, дескать, неминуемо приведет к тому, что...

– Хорошо, – прервал я, – давай, пригласи. Только диктофон поставь на столе так, чтобы сразу видели. Мол, фиксируем, чуть что – сами возбудим дело об угрозах и вымогательстве.

Он вышел, косолапя, несмотря на свой малый рост, как всегда хмурый и не обращающий внимания на свой имидж. Я быстро оглядел кабинет, мысленно представил себя, смотрюсь неплохо, только обеспокоенное выражение нужно убрать. Страна богатеет, нефтедоллары прут, покупательная способность растет, бизнес развивается...

В кабинет зашли двое, обоих можно использовать как наглядное пособие по имиджу: мужчина средних лет, средней внешности и одет настолько тщательно, что даже незаметно, во что и как, полноватый и какой-то округлый, как все юристы, которых я встречал, плюс молодая женщина в очень строгом деловом костюме. Настолько подчеркнуто деловая и бизнес-леди-стая, что я сразу отметил длину ее стройных ног, обе выпуклости на груди и тугой пук волос, завязанных узлом на макушке. В кино такие вот на свидании распускают роскошные волосы, что очень эротично, сами оказываются страстными и сексуальными...

Стараясь выглядеть крутым и бывалым, я сказал ей взглядом, что пусть не прикидывается, никакая не сексуальная, а именно вот такая, как выглядит. Она посмотрела бесстрастно и холодно.

Я жестом пригласил их сесть, у меня как раз два стула помимо моего, на большее не хватило денег.

– Чем могу быть полезен? – спросил я и улыбнулся. Карнеги сказал, что такая херня ничего не стоит, а пользу приносит. – Я в самом деле могу быть полезен? Чем?

Они сели рядом, слегка касаясь друг друга локтями, одинаковые и слаженные, как проработавшие не один год напарники. Я сразу ощутил к мужчине понятную неприязнь самца.

– Можете, – ответил мужчина. – Даже должны.

– Чем? – повторил я.

– Своей работой, – ответил он. – Мы из общественной организации «Социальное равновесие». Заведующий юридическим отделом Вадим Верес, а это ведущий сотрудник отдела – Тамара Вовк.

Женщина кивнула при упоминании ее имени, губы красиво вылепленные и припухшие, без впрыскивания геля не обошлось, в природе настолько эротичных не бывает... Я наконец оторвал взгляд от ее зовущего рта и сказал все так же вежливо:

– Ну, а я, как вы догадались, директор этой фирмы, Владимир Черновол. Чем могу?

Верес сказал вежливо:

– Наша организация выступает за сглаживание всех существующих конфликтов в мире. Несмотря на то что мы являемся обществом добровольным, вес имеем очень даже приличный. Спонсируют нашу деятельность очень могущественные фонды, а в число учредителей входят такие известные фирмы, как...

Женщина высокомерно следила, какое впечатление произведут на меня громкие имена, но я пропустил мимо ушей фамилии в самом деле известных политиков, все – бывшие, пара экс-звезд и несколько имен, которые ничего не говорят, но, видимо, это и есть финансовые тузы, что оплачивают их синекуру.

Он сделал паузу, но не для того, чтобы проверить впечатление, видно же, что я из поколения молодых революционеров, на которых имена сильных мира сего действуют как раз наоборот: вызывают протест и желание дать сдачи.

– Вас, конечно, интересует, – поинтересовался он с той же вежливой бизнес-улыбкой, – почему пришли к вам...

– Да, – ответил я и не удержался: – Просто спать не могу, все интересуюсь и интересуюсь.

Он кивнул, улыбка шире не стала, все такой же вежливый и ровный, с внимательными глазами и в доверительной позе, ну там нужное положение рук, локтей, сцепленные пальцы...

– Вас заинтересовала бы наша деятельность, – продолжил он, – если бы вы узнали, что мы предъявили иск к Близзарду. Это наш первый иск, он создаст прецедент. Сразу хочу сказать, что шансы на победу в суде у нас не просто высоки, а практически абсолютны.

Я пробормотал, стараясь показать, что начал интересоваться, но ничуть не трушу, ну вот ничуть, ни капельки:

– Постойте-постойте... что-то слышал краем уха.

– Что именно слышали?

Я сдвинул плечами.

– Да только, что среди множества исков, которые получает эта компания, как, впрочем, и все крупные фирмы, она получила и несколько весьма идиотских... Что и понятно, все хотят урвать кусок от лакомого пирога. За каждым миллиардером охотятся весьма беспринципные людишки. Это я так, вообще.

Он не шевельнул и бровью.

– Вам трудно поверить, – проговорил так же вежливо, – что некоторые могут действовать в этом мире и бескорыстно? Не виню, сам долгое время не верил. Но в этой организации, где работаю сейчас, в самом деле столкнулся с энтузиастами.

– Что за иск? – перебил я.

Он вздохнул, готовясь к неприятному разговору и, как я понял, к непониманию позиции такими вот, как я, тупыми и очень неинтеллигентными.

– Мы против, – заговорил он, – жестокости и насилия к животным. Сперва нашей организации удалось добиться запрета издевательств над домашними животными, потом сумели заставить конгрессменов большинства стран принять законы, ограничивающие истребление диких зверей и даже создать так называемую Красную Книгу...

– Ого, – сказал я, – так у вас древняя фирма! Красная Книга, как я думал, придумана вообще при фараонах. И формулу «Волки – санитары леса», это вы придумали? Ясно. Так, а

в чем ваши претензии к фирме Близзард, а также к нам? Хочу попутно поблагодарить вас за лестный ряд. Оказаться на одной скамье подсудимых с Близзардом – великая честь для всех девелоперов.

Юрист взглянул на женщину, она кивнула и заговорила строгим протокольным голосом:

– Так как вашей фирмой, из-за вашей малозначительности, как вы только что упомянули, никто всерьез заниматься не хочет, это поручили мне, как вчерашней выпускнице юридического института.

– Слушаю вас, – сказал я заинтересованно. – У вас в очках простые стекла?

– Нет, – отрезала она, – у меня диоптрии.

На мой взгляд, там если и есть диоптрии, то не больше чем полпроцента, а такое нарушение зрения нормальные люди вообще не замечают. Эта либо чересчур заботится о здоровье, либо выпендривается, умной хочет выглядеть. Хорошо хоть не покрасилась под брюнетку.

– Мы зверей не бьем, – сказал я. – У меня даже аквариума нет. И на охоту не езжу.

– Бьете в баймах, – отрезала она.

Я ахнул:

– Что? Уже и в баймах нельзя?

Она кивнула, улыбка показалась мне отвратительно злорадной.

– Будет нельзя. Сейчас защита окружающей среды выходит на новую ступень гуманизма. Кроме того, пропагандируя избиение незащитных животных в баймах, вы развращаете людей, делаете их еще более жестокими, чем они уже есть...

Гора свалилась с моих плеч, рухнула и разбилась с треском, а мелкие камешки разлетелись далеко-далеко, превращаясь не то в конфеты, не то в цветочки. Я едва не расхохотался, как же здорово, что не рэкет, не налоговая, не кредиторы, не пожарная инспекция, не еще какие-нибудь пиявки под видом проверяющих.

Они переглянулись, когда я откинулся на спинку кресла и сказал уже с веселым дружеским любием:

– А вы не двое сумасшедших? Что вы несете?.. Каких незащитных животных? Это же всего лишь набор пикселей! Комбинация нулей и единичек двоичного кода, что выдает на экран перекодируемые нашим мозгом картинки! Подведите к монитору собаку или кошку – ничего не увидят! Там нет ни-че-го.

Она сказала холодно:

– Собаки и кино не понимают. Для них там только мелькание световых пятен, но все-таки люди почему-то одним фильмам ставят индекс «18+», а другие запрещают вовсе!

Ее коллега добавил педантично:

– И книги.

– И книги, – повторила она. – Хотя книги вообще... черные значки на бумаге! Так что эта отмазка, как говорят в ваших кругах, не катит. Любая ваша байма, я сейчас говорю не лично о вас, а о деятельности девелоперов вообще, начиная со входа в виртуальный мир, пропитана жестокостью и насилием! Весь этот, простите за грубое слово, кач – непрерывное и безжалостное избиение всего живого, что встречает на своем пути баймер!

Она говорила все правильно, но я смотрел с изумлением. Неужели эти чудики всерьез? Это же надо быть такими сумасшедшими! И какие идиоты выделяют им гранты на деятельность? Вот уж придурки, лучше бы нам дали! Нет, это кто-то разговаривает бабки, а для отмазки раскидывает крохи на вот таких чокнутых...

Юрист следил за моим лицом, а я сам знаю, что оно у меня выразительное, он заговорил первым:

– Я вас прекрасно понимаю. Я постарше вас, видел, как многое, что сперва осмеивали, укрепилось, а новое поколение восприняло как должное. Над «санитарами леса» как только не хохотали! А сейчас ни волка нельзя убить без особой лицензии, ни льва, ни тигра. А раньше

целые стада слонов стреляли просто так, для забавы. И бегемотов, носорогов, буйволов! Мир меняется, юноша. Некоторые из ваших коллег постарше успели это заметить на себе. И меняется не сам...

Она смотрела на меня победно, слегка кивая в такт его словам, словно забивая своим узким лобиком гвозди то ли в мой стол, то ли в мой гроб.

Я поинтересовался:

– А вы не заходили в «World Industry Entertainment Games», это всего за два квартала отсюда? Они начали позже нас, но по размаху обогнали...

Юрист поморщился, женщина быстро взглянула на него, он кивнул, она поджала губы и ответила сухо:

– Их директора вообще можно привлекать к суду.

– Ах вот как? – приятно удивился я. – Люблю, когда такое говорят о конкуренте! Скажите, а фотоохотой заниматься можно?

Она подумала и ответила уверенно:

– Да, можно.

– Спасибо, – ответил я с великим облегчением. – Хоть это... но, простите, как все-таки насчет звериных прав? Можно ли фотографировать без их разрешения? Вдруг им это не нравится? Я понимаю, если в свадебном оперении, а в период линьки? Когда выглядят гадостно?.. Или когда какают?

Она подумала и ответила несколько нерешительно:

– В юридическом плане этот вопрос еще не проработан... Как вы знаете, мир стремительно усложняется. Мы, юристы, не всегда успеваем, к сожалению, реагировать вовремя или с опережением.

– В данном случае вы среагировали с еще каким опережением, – заметил я.

Она кивнула, строго рассматривая меня поверх массивной роговой оправы.

– Не думаю, что с большим. Этот щекотливый вопрос можно было поднять и раньше.

Я вздохнул:

– Не уверен, что вы настолько... в возрасте, чтобы помнить те фараоновы времена, когда с нормальной охоты всех переводили на фотоохоту. Могу сказать только, что я типичный представитель хай-тека, а это значит, что прекрасно разбираюсь в наших проблемах. Представьте себе.

Они переглянулись, женщина вздохнула, а мужчина грустно улыбнулся:

– Переводя на обычный язык, это значит, что мы лезем не в свое дело... и вообще нам пора убираться.

– Это вы сказали, – сообщил я и лучезарно улыбнулся. – Не хочу быть грубым, но вы поняли все правильно. Видимо, вы хороший юрист.

Он кивнул.

– Иначе бы мне не предложили возглавить такой отдел. Ладно, мы вас предупредили, а дальше решайте сами.

Глава 2

Двери за ними закрылись, я посопел злобно, что за идиоты, ну очень уж благополучное у нас общество, что позволяет и таким вот находить нишу. Раньше подобные вымирали бы с голоду, кому нужны с их заморочками, а сейчас могут жить, отщипывая от пирога более успешных, предъявляя миллионные иски то к Макдоналдсу за слишком горячий кофе, то к изготовителям гамбургеров, обвиняя их в своем ожирении...

Работа не шла, раздражение нарастает, я взглянул на часы, ах вот оно что, жратаньки пора, мы ж не сингуляры, у нас и желудки, и желудочные амбиции... Отворил дверь кабинета и сразу поморщился. В большом помещении за столами работают сорок человек, но слышно только Василия Петровича: стучит по клавишам с такой силой и мощностью, что доска часто выходит из строя. К счастью, дешевые, извиняется, покупает за счет фирмы и снова колотит... Печатает двумя пальцами, но быстро, на экран поглядывает лишь изредка. По одному этому признаку можно определить, что пришел из допотопного века, когда не было персональных компьютеров, а журналисты и писатели работали на пишущих машинках.

Тогда успешное печатание зависело от силы удара по клавише: приходилось бить со зверской силой, чтобы задействовать целую систему механических рычагов, а те в конце поднимут последний рычажок с приваренным металлическим оттиском буквы. Сила удара должна быть достаточной, чтобы с треском влупить по ползущей тряпочной ленте, пропитанной чернилами, а через нее оставить оттиск на бумаге. А так как никто не печатает без подложенной копирки и второго, а то и третьего листа, то стукнуть надо было так, чтобы пробить их все.

Современное поколение с пеленок знает, что от силы удара по клавишам ничего не зависит, кроме преждевременного износа клавиатуры, потому печатает, едва касаясь кончиками пальцев. Многие сразу работают всеми десятью, чему очень непросто научиться на простой механической: попробуйте мизинцем бить с такой же силой, как и указательным!

За четыре стола от Василия Петровича юркий и подвижный Андрюша Скопа первым оторвал взгляд от экрана, отъехал вместе с креслом и поспешно потер глаза кулаками.

– Ого!.. Почти два!.. А я думаю, чего это шеф держимордит там на пороге... А он, оказывается, о нас заботится!

Его сосед справа, Тимур Косарь, поспешно вскочил.

– Побегу проверю, – сообщил он услужливо, – как там насчет столиков в кафе...

Он унесся, Скопа все еще тер кулаками глаза.

– Уф, мальчики кровавые в глазах...

– Много зарезал? – спросил я деловито.

– Сотни две, – сообщил он.

– Это не много.

– Зато всякими способами, – сообщил он. – Теперь кровь хлещет по всем законам физики. Движок Navok – это что-то...

– Сразу вставь три градации, – посоветовал я. – А то потом присобачивать труднее. Вплоть до отключения вовсе. Кто-то не выносит вида крови, кто-то оберегает детишек от насилия...

Кресла не гремят, отодвигаясь, у нас на колесиках, более того, сами послушно возвращаются к столам и разворачиваются к мониторам.

Я вышел вместе со всеми, отметив, что из нашей дружной обеденной группы потеряли еще и Василия Петровича: он перешел на мафусаилизм, ест «только полезное», а воду пьет исключительно дистиллированную, которую носит с собой в термосе.

В кафе Тимур выкобенивался перед молоденькой заведующей, она улыбалась профессионально и записывала по старинке в отрывной блокнотик. Ребята рассаживались за столами

в нашем привычном уголке. Я оглядел их как-то заново, в голове то и дело всплывают слова юриста насчет быстрых изменений... Кем эти ребята из моей команды были бы раньше? Андрюша Скопа работал бы трубочистом, ему нравится альпинизм, звездное небо над головой, нестандартность профессии... хотя, понятно, тогда трубочистов было больше, чем ныне слесарей-водопроводчиков: печные трубы были везде, а чистить нужно даже исправные.

Тимур Косарь, живой и коммуникабельный, был бы дилером или кто там был до дилера... диск-жокеем? Нет, массовиком-затейником или баянистом, он же гармонист, но не от слова «гармония», а от «гармоника», был такой музыкальный инструмент еще в эпоху наших дедов... Да что там дедов, даже отец в молодости играл...

Роман явно ремонтировал бы что-то допотопное: холодильники или стиральные машины, а то и ламповые телевизоры с кинескопами. Он и сейчас с ходу определяет любую неисправность, а раньше так и вообще с закрытыми глазами находил бы, где какая деталь «перегорела», раньше они в буквальном смысле загорались и сгорали.

Я, наверное, каким-нибудь сисадмином, а то и еще круче – бригадиром строительно-монтажных работ и покрикивал бы землекопам: «Бери больше – кидай дальше!» Мол, а отдыхай вволю, пока летит...

Со мной за столом, как обычно, Тимур Косарь, живой, как ртуть, и весь блестящий, начиная от черных, как спелые маслины, глаз до начищенных туфель, немногословный, громадный и медлительный Тарас Гулько, а также улыбающийся и вечно расположенный ко всем Роман Рябинин, помесь всепрощающего святого и программиста.

- Что-то картошку недожарили, – живо сказал Тимур. – Лодыри! Вечно спешат.
- Все спешат, – заметил Роман мудро. – Весь мир спешит.
- Но мы же пришли вовремя? Вот и они должны вовремя!
- Сейчас сериал про Ниро Вулфа начнется, – сообщил Скопа.
- Ага, – сказал Тимур злорадно, – я ж говорил!
- А что за сериал? – спросил Роман.
- Рейтинг выше крыши, – пояснил Скопа.
- Интересно хоть?
- Не смотрел.

Роман, при всей его буддистскости и умиротворении, ухитряется все схватывать и замечать, ничего не забывает, а еще у него удивительная способность моментально находить нужный материал в разросшейся Паутине.

Он спокойно и размеренно потреблял три вида салатиков, диетических и сбалансированных, запивал козьим молоком, Скопа от него почти не отстает, разве что молоку предпочел обезжиренный кефир, а вот беспечный Тимур жрал то, что увидел на соседнем столе: раз другие едят, значит – вкусно. Сегодня у него на тарелке толстый и хорошо прожаренный бифштекс, на гарнир целая горка блестящих, словно промасленная утиная дробь, зерен гречки и таких же темных.

У меня обычная котлета с картофельным пюре, я посередине между мафусаилистами и мясоедами, не особенно и берегу жизнь, но и не спешу ее укорачивать.

Тимур жрал, будто угледобывающий комбайн, безостановочно переходя от одного блюда к другому, и, лишь когда взялся за большую чашку с черным кофе, перевел дух, задумчиво повел по сторонам сытыми очами.

- А здесь неплохо, – изрек он.
- Ты здесь обедаешь каждый день, – напомнил я. – Уже второй год.
- Правда? – удивился он. – Наблюдательный ты, Володя. А я вот такие мелочи не замечаю... Так что, говоришь, будем делать с этими зелеными?

Я посмотрел на него через стол в удивлении:

- С какими?

– А что приходили, – напомнил он. – Мужик в пенсне, как Чехов какой, и красotka в деловом костюме. Ты же нам сбросил файл записи! Я просмотрел наискось. А Роман так и вовсе просмотрел все. Дважды.

– Да ничего, – ответил я. – Пусть идут лесом. Хоть зеленым, хоть глубоко увядшим кленом. И далеко-далеко.

Он прищурился:

– Считаешь их полностью неправыми?

Я покосился на Романа и Скопу. Жрякают молча, но уши вытягиваются и шевелятся, как у лесных эльфов.

– При чем тут правы или не правы? – ответил я раздраженно. – Ты в рилайфе или как?.. Давай допустим, они правы. Даже глубоко, по самые помидоры правы. И что? Мы вот так сразу бросимся переделывать движок? Фигня... А самое главное, до того времени, как это движение «виртуальных зеленых» войдет в силу, мы успеем выпустить не одну байму, о которой так мечтаем, а десяток!..

Тимур уточнил:

– Значит, не споришь, что они правы? И что их движение будет набирать силу?

Я вздохнул, отодвинул тарелку и взялся за чашку кофе.

– Одно с другим не связано. У нас много таких движений и организаций, которых я утопил бы вместе с их членами и спонсорами. Но они почему-то развиваются, привлекают новых членов!

Роман отхлебывал кофе по капельке, такому педанту надо вообще пить из наперстка.

– Шеф прав, – проговорил он очень спокойно, – эту уж точно успеем. Может быть, и еще одну...

Мы все трое уставились вопрошающими глазами. Тимур спросил живо:

– Почему только одну?

– Все ускоряется, – напомнил Роман отрешенно. – В век инета информация мгновенно становится общим достоянием. Идеи, мой мальчик, обретают силу. Конечно, правительства работают по старинке, медленно, законы нужно принимать осторожно, а до этого их долго составляют, изучают, дорабатывают, направляют в комиссии для изучения, потом начинаются чтения и рассмотрения в парламентах... А потом, когда наконец примут, то начало действия откладывается обычно до Нового года. Так что успеем...

Он снова задумался. Я сказал сердито:

– Так что тебя волнует, буддист? Вам же все по фигу! Вы ж на все положили, чтобы иметь положительное настроение.

Роман по-прежнему не менялся в лице, спокойный и довольный, ответил тем же ровным благожелательным голосом:

– Меня волнует... точнее, начинается дискомфорт с нашей позицией. Мир в самом деле меняется. А мы?

Я сказал резко:

– Так кто его меняет, как не мы? Такие, как мы?

Скопа прогудел гордо:

– Мы – хайтековцы!

– Я на службе – коммунист, – напомнил Роман известное изречение Алиева, – а дома мусульманин, так? Я предпочел бы, чтобы наша байма вошла в историю не как последняя, где мобов крошат почем зря, а как первая, где... ну, не знаю, начинают действовать какие-то ограничения. Как они есть в реале. Скажем, законы Нового Человека, который уже и сейчас почти трансчеловек, а потом войдет в сингулярность.

Я смотрел на них, не веря глазам. Тимур ладно, этому только дай во что-нибудь вцепиться зубами, здоровяк Гулько просто не подумал, брякнул и все, но если такую чушь порет и всегда спокойный и даже равнодушный к проблемам суетного мира Роман...

Я чувствовал, как мои щеки вспыхнули праведным негодованием, а может быть, даже гневом.

– Вы что, всерьез? – спросил я. – Да никогда не поверю, что из их затей что-то выйдет. Не смешите мои тапочки! Запрет на убивание мобов, надо же... Ах-ах, одни пиксели убивают другие пиксели!.. Как могут пиксели убивать пикселей?

Роман смолчал, но я видел по его лицу, что смущен, ищет доводы и не находит. Ни за ту сторону, ни за эту. Правда, я сам еще не понял, по какую сторону я, одно дело спорить, мы всегда спорим, другое дело – верить в то, что защищаешь. Гад юрист вовремя сумел ввернуть насчет стремительности прогресса. При всем том, что в первую очередь мы стараемся как следует заработать, все же не хочется зашибать на отстое, мы не такие уж и старики, которым все равно. Конечно, у нас не отстой, но если можно без добавочных затрат подняться на уровень выше...

Я постучал ложкой по столу. В нашу сторону начали осторожно поглядывать другие посетители кафе. Никто не хочет оказаться вблизи скандала, все берегут здоровье, трусы чертовы.

– Как генералиссимус, – сказал я властно, – дебаты временно прекращаю. В смысле, милостиво разрешаю перенести в кулуарню.

– Кулуарня... это что? – спросил любознательный Тимур.

– Культуртрегня, – предположил Гулько.

– Кулугурня, – поправил эрудированный Роман.

– Дураки все, – сказал Тимур авторитетно. – Кулуары – это курилка. В старину некоторые несознательные еще курили, представляете? Дикари...

Скопа вздохнул и вернул в нагрудный карман пачку сигарет.

На выходе из кафе Тимур сказал быстро:

– Шеф, это не дебаты, у меня тут вопрос копошится и копошится: ты не послал тех юристов в «World Industry Entertainment Games»?

Я бледно усмехнулся:

– Послал, конечно.

– И?

– Они там побывали раньше, – объяснил я тяжеловесно, – чем у нас.

– Правда? – сказал он обрадованно. – Здорово. Представляю, сколько им овощей натолкали в сумку.

– Да уж, – буркнул я. – Мясоедова икрой не корми, дай кому-нибудь пакость сказать. Да еще на законном основании.

С Мясоедовым я познакомился гораздо раньше, чем он встал во главе фирмы, делающей игры. Однажды я гнал по МКАД, скорость превысил ровно настолько, сколько разрешает ГАИ: на десять км, то есть сто десять, и вот меня обгоняет некий сраный «жигуль», весь в грязи, хотя уже две недели нет дождей и луж, и когда въехал в ряд впереди меня, водитель выбросил в окно бумажку от бутерброда.

Она порхнула в воздухе, коснулась лобового стекла моей машины и улетела. Затем наш ряд начал затормаживать, я вовремя это усек, перестроился, мы обошли соседей, я успел увидеть мужчину за рулем, выбросившего обертку. Он заранее злобно зыркнул в мою сторону, ожидая брани.

Я ничего не сказал, придурков и хамов на дороге много, да и следить за движением надо. И через пару минут уже забыл о неприятной мелочи. Но через неделю случилось продолжение: я выгуливал мамино боксерчика, у нас дружная компания собачников, уже сложилась

и притерлась характерами, как мы, так и наши собаки. И вот я со своим любимцем пришел вечером на обычное место, а там с нашими бродит новенький с питбулем на длинном поводке.

Валентина, веселая и доброжелательная, заводила и сердце компании, воскликнула жизнерадостно:

– А вот и Володя! Теперь наша компания в сборе... Володя, это Игорь Мясоедов с его веселым Гошей...

Новенький повернулся в мою сторону и с самым дружелюбным видом протянул руку для пожатия. Я дернулся было ответить таким же привычным жестом, но узнал хамовитого выбрасывателя бумажек. Рука моя осталась на месте, а его повисла в воздухе. Наступило неловкое молчание. Все смотрели и не понимали, меня знают как человека дружелюбного, а любого незнакомого принято рассматривать, как человека хорошего, пока не докажет свою нехорошесть.

Наконец Мясоедов сказал с вынужденным смешком:

– Ну извини, Володя! Я же не знал, что это ты в том «опеле»!

Я промолчал, а Валентине и другим, что смотрели и ждали объяснений, сказал кротко:

– Извините, но я погуляю... в другом месте.

Мой пет не хотел уходить от друзей, пришлось взять на поводок. Меня провожали недоумевающими и огорченными взглядами.

На другой день узнал, как развивалось дальше. Мясоедова начали расспрашивать, что случилось, а он, понимая, что такое не утаишь, – я могу рассказать, как было, – не стал врать и рассказал, что выбросил бумажку в окно, подумаешь, МКАД огромная, так все делают, у него в пепельнице уже места нет, забывает вытряхнуть... Конечно, если бы знал, что бумажка так обидит этого чванистого собачника... или что встретит его именно здесь, в районе, где купил квартиру...

Константин, серьезный и вдумчивый доцент из универа, огромный и солидный хозяин крохотной таксы, тогда слушал-слушал да и сказал задумчиво:

– Словом, если свой – то нельзя, если чужой – то можно?

Мясоедов пожал плечами:

– Ну конечно! Их в Москве двенадцать миллионов.

– Чужих?

– Ну да!

– Это не чужие, – поправил педантичный Константин. – Это просто незнакомые. Значит, с незнакомыми можно?

– А что тут такого? – спросил Мясоедов, защищаясь. – Все так делают!

Константин покачал головой:

– Я не выбрасываю бумажки на улице.

– И я не выбрасываю, – сказал Аркадий Георгиевич, владелец черного терьера.

– И я, – добавил Сергей, у которого на поводке шарпей.

– Я тоже не выбрасываю, – сказала со вздохом Валентина. – Когда некуда сунуть, в карманы кладу или в сумочку. А потом – в мусорную урну.

Мясоедов чуть поморщился, сильные люди такими мелочами себя не утруждают. Комплексы сраные: прятать бумажку в карман, когда можно просто в окно! На него смотрели понимающими взглядами: мол, да, ты именно из тех, кто и мусорное ведро не опорожняет с балкона только потому, что среди бумажек может оказаться пивная бутылка, что не только обидит кого-то внизу, но и разобьет голову, а это уже милицкий протокол...

– Да, – произнес Константин, ни к кому не обращаясь, – а вы задумывались, ребята, что хамы не хотят общаться с хамами, а стремятся именно в круг людей добрых и покладистых, достаточно интеллигентных, здесь у них все преимущества... Остальные, дескать, все закомплексованные, а вот они – круть...

Валентина сказала твердо:

– Костя, у меня такое мнение, что лучше нам и остаться такими вот закомплексованными. Как думаешь?

Константин кивнул. Лицо у него было угрюмое.

– Остальных можно не спрашивать.

Мясоедов сделал вид, что не врубился в разговор интеллигентов, погулял с ними еще пять минут, чтобы не терять лица, но с того дня выгуливал собаку уже в другом месте. Однако все собачники района знают друг друга, так что вскоре ему вообще пришлось отказаться от прогулок, а питбуля выгуливала его жена.

И хотя такие вот дураки всегда заводят собак бойцовских пород, злых и агрессивных, но питбуль оказался псом добрым и покладистым: его воспитывали жена и дети, а Мясоедов появлялся только вечером и не успевал привить собаке свое хамство и бесцеремонность.

И вот теперь это хамло – глава конкурирующей с нами фирмы. Как организатор он оказался очень неплох, бывают профессии или должности, где хамовитость и напористость больше помогают, чем вредят. Он же сумел добиться финансирования без всяких процентов, а затем вообще получил гранты от администрации города за какие-то туманные обещания прославить Москву.

Собственно, он поступил совершенно правильно, послав этих чертовых юристов подальше. Даже могу предположить, в каких выражениях послал...

Тимур шумно вздохнул:

– И чего он взялся делать игры? Гад...

– Недооцененная отрасль, – сказал я. – Нигде в мире не делают так мало игр, как в России. А возможности огромные... Сюда еще хлынут дельцы, когда в нефтянке и газовом хозяйстве мест не останется.

– Пора от браузерных отходить, – прогудел озабоченно Гулько. – Иначе среди новичков утонем. Будут такие, что сразу придут с хорошими бюджетами! Сейчас олигархи не знают, куда деньги вкладывать...

Глава 3

Дед Мороз, Санта-Клаус – абсолютно никчемные существа, ничего собой не представляющие, но в отличие от абсолютного большинства таких же никчемных, но самодовольных существ, гордых только тем, что дожили до преклонного возраста, прекрасно сознают свою никчемность. Потому разносят детишкам подарки, хоть так искупая свои бесполезные жизни, заодно покупая их любовь и приобретая популярность.

Не разноси подарки – кому на хрен они нужны?

Василий Петрович по возрасту не только дед, но и прадед, даже с виду типичный Санта-Клаус: длинные седые волосы, седые усы и серебряная бородка. Так и вижу его в красной шубе и красной шапке с мехом. Но Петрович, в отличие от Санта-Клауса, что-то значит и сам по себе. Он держит на своих плечах целый отдел по художественному оформлению, мониторит все новинки в своей области, а также иногда подсказывает дельные вещи.

Думаю, его внуки завидуют своим одноклассникам, у которых деды не так имениты. Те уже на пенсии, сами не живут, а доживают. Сперва «жили для детей», потом – «для внуков». А человек, который сам чего-то стоит, как-то на внуков внимания обращает мало. У него бизнес, проекты, дела, совещания, срочная работа, поиски коллег, что работают в смежных областях, и жадное внимание к их работам.

Те, что внуками занимаются, можно сказать, пользуясь современной терминологией, неудачники. Вроде Деда Мороза или Санта-Клауса. Обычно поднимаются не выше начальника отдела, но чаще выходят на пенсию рядовыми инженерами, слесарями и токарями. Еще работая, уже чувствуют свою беспомощность и вкладывают силы и деньги в детей, в надежде, что хотя бы те поднимутся по социальной лестнице. Внуков вообще балуют, а если тех нет или им их не доверяют, – заводят собак, покупают учебники по дрессировке, усердно посещают занятия, не пропускают ни одной выставки в надежде, что их пет станет главным победителем и получит хрустальный приз.

Я прошел мимо, заглянув в экран: очень аппетитные скелетные модели с превосходными скинами. Хотя все мы по молодости считаем, что старость начинается лет в сорок, но Василий Петрович и сам иногда на работу идет не с той стороны, где у него дом, и рисует скромно одетых женщин охотнее, чем мобов.

Кроме пережевывающих свою супердиетическую пищу Василия Петровича и дизайнера уровней Левушки, в офисе суетится Алёна, быстро сбрасывая курточку, снимая тяжелые ботинки, очень похожие на солдатские, и всовывая ноги в удобные тапочки. С ее приходом на столе по обе стороны монитора волшебным образом возникали коробочки с тушью, помадой и еще какой-то непонятной, но такой необходимой женщинам хреню.

Алёна живет в великолепной двухкомнатной квартире в центре города. Когда Тимур спросил изумленно, сколько же она платит за такую роскошь, Алёна, нисколько не смущаясь, объяснила деловито, что расплачивается сексуальными услугами. По контракту она должна оказывать их два раза в неделю, но не считает себя ущемленной, если хозяин квартиры заглянет к ней и три раза, или даже четыре.

Он кем-то работает в НИИ, то ли доцент, то ли уже профессор, словом, весь из себя занятый, по бабам ходить некогда. Его квартира в соседнем доме, а в этой жила бабушка. Как многие коренные москвичи, он получил квартиру в наследство, но сам зарабатывает достаточно хорошо, арендная плата мало что изменит в его укладе жизни, а вот после отвратительного развода ему не хотелось бы вступать с женщинами в длительные отношения...

– Привет, Алёна, – сказал Гулько. – Класс – десять минут, и ты уже на работе! Это не мои полтора часа из Бутова. Наверное, ты хороша в этом деле... Вот Анжела тоже снимает за

секс, но у нее однушка на окраине. А Валентина так и вовсе, кроме секса, еще и убирает ему квартиру, поливает цветы...

– Хорошо, – вступил в разговор Роман, – хоть не доплачивает. Привет, Алёна! Я был во Франции, там обычно половину арендной платы берут сексом, а половину – деньгами. У нас народ великодушнее!

Тимур спросил заинтересованно:

– Алёна, а что от тебя требуется? Только сосешь или по полной программе?

Алёна поморщилась, а Гулько гулко хохотнул:

– Да-да, Алёнушка, расскажи! Он тоже хочет снимать на таких же условиях!

Алёна расположилась в кресле, подумала и чуть приподняла сиденье.

– В сексе, – заговорила она деловито и включила компьютер, – нет ничего нового или особого, так что, думаю, подойдешь. Толстенький, розовый, с широкой попкой. Анус у тебя без геморроя?.. Правда, вы пока в меньшинстве, так что тебе искать квартиру придется дольше.

Тимур покраснел, завопил:

– Я не педик!

Гулько сказал громко и строго:

– Ты что, оскорбляешь сексуальные меньшинства? А как насчет статьи двести семьдесят, подпункт восемнадцать, параграф семь?

И хотя я чувствовал, что статью он сочинил на ходу, но все притихли и начали расходиться. Алёна права: в нашем стремительном мире даже за новинками хай-тека не всегда успеваешь уследить, статьи Уголовного кодекса вообще идут мимо...

Я перешагнул порог кабинета и позволил себе сгорбиться и опустить уголки рта. Трудно улыбаться все время и смотреть орлом, когда положение хреновое. Да, вэвэпэ растет, нефтедоллары наполняют страну, бизнес развивается... но это в целом развивается, а сколько маленьких фирм разоряется? Мы затянули все сроки с выпуском готового продукта, второй кредит не дадут, пока не рассчитаемся...

Мы все в одном большом помещении, что вроде бы чисто по-русски: все одна семья. Только у меня, начальника, собственный кабинет, но и то без двойной двери и секретарши для снятия стрессов. Когда мне нужно кого-то позвать, проще отворить дверь и крикнуть, чем вызывать по телефону или сообщать по скайпу.

Зато в любой момент могу посмотреть, кто занят делом, а кто валяет дурака. В последнее время мы здорово расширились, приняв еще восемь сотрудников. За новичками нужен глаз да глаз, чтобы не шарили по порнушным сайтам и не играли во флеш-игрушки. Сам, конечно, за всеми не услежу, но они знают, что могу наблюдать за работой, потому бурчат, но работают, надеясь оторваться, когда заболею или уеду в командировку.

Гулько тоже ревниво поглядывает за новичками, у него другой принцип: если этим козлам платят, как и нам, то чтоб работали не меньше, а лучше – больше. Сейчас без стука вошел ко мне, огромный и плечистый, больше похожий на крепкого баскетболиста, чем на очень умелого программиста.

Я поднял голову, он спросил с порога:

– Ну и как тебе?

– Новички? – переспросил я.

Он отмахнулся:

– Да это пока ни рыба ни мясо. Третью уволим через неделю. Всего второй день, а уже халтурят!.. Как будто на Америку работаем. Пойдем, покажу, как столы переставить, чтобы всобачить пять-шесть человек новеньких.

Едва мы появились в зале, я увидел по спинам, кто в самом деле работал, а кто в отсутствие погоняйла, то есть меня, серфил по инету в поисках развлечений.

– Пожалуй, – сказал я, – надо заблокировать и прием.

– Зачем? – спросил он. – Отправлять нельзя – программный код сопрут, но прием?
– Все, что им нужно, – сказал я, – достану я. Или ты.

Он кивнул и вдруг спросил:

– А что с юристами? Что-нибудь надумал?

Я спросил в удивлении:

– Ты на что намекиваешь?

– На какое-то изменение, – ответил он неуклюже. – Они, конечно, дураки. Даже дураки набитые. Но наш мир настолько богат и расточителен, что и дуракам находится место. Бывает, такие же дураки распределяют фонды и гранты.

От соседнего стола прислушивался Тимур, наконец пихнулся короткими ножками и лихо подкатил в кресле.

– Это в случае, – уточнил он живо, – если хорошие дураки. Импозантные.

– Это как? – спросил я.

– Особые дураки, – пояснил он ехидно. – Дурнее которых уже нет на свете.

– Нет, – возразил Гулько, – я имею в виду – честные дураки. Словом, люди, с которыми нам всегда приятно и уютно общаться.

Тимур задумался, поморщился, но кивнул:

– Вообще-то да. Вон Роман умный, сволочь, но я его больше трех минут на дух не выношу. А вот с тобой общаться приятно, хоть весь день бы беседовал. Только хвали меня больше.

Гулько, не давая себя сбить с мысли, обернулся ко мне:

– Пусть забавляются в остроумии, придурки, но мы ж люди серьезные. Я имею в виду, что в мире, где дураки имеют такое влияние, бывает лучше сделать им шаг навстречу, чем переть против рожа.

Я насторожился:

– Что? И ты готов отказаться от жестокостей в байме? И что будем делать? Нюхать цветочки на полянках? Или кто больше соберет?

Он помотал головой:

– Нет, в реале же не только цветочки собирают! И войны гремят, и зверей убивают... Но уже есть какие-то законы. Времена буссенарства прошли, тут они правы. Мы можем тоже ввести какие-то ограничения. Скажем, не бить каких-то зверей... Одних бить, других – низзя...

Он что-то еще мямлил, потом вообще ушел в сторону и начал жаловаться на соседей: не дают громко музыку включать, а он же не виноват, что стены такие тонкие, но я уже не слушал, голова трещит под напором новых и, надо признать, непривычных мыслей. Сам уже думал над этой проблемкой, а если уж медлительный Гулько что-то чувствует в воздухе, то самое время остановиться и подумать, с чем столкнулись или на что напоролись.

В любой байме зверей истребляют всех поголовно, смотрят только на лут и количество экспы. Это всегда и везде так было. Хотя в принципе нетрудно разделить зверей на группы. Скажем, этих бить можно и нужно всегда, а вот тех только в особый сезон, охотничий. А самых редких, что в Красной Книге, нельзя вообще. Даже пугать их запрещено, а то нервные, яйценоскость нарушится...

Кроме того, нельзя бить детенышей... ну и что, если в баймах их нет, заведем, это ерунда, зато за убийство будем начислять штрафы. Это, кстати, усложнит байму. У всех традиционно тупая и однообразная зачистка, а у нас будет выборочная. Внесем разнообразие, что уже само по себе хорошо! А от Фонда Защиты Животных можно грант получить или какой-нибудь бонус. Они там против убийства животных и шуб из натурального меха. Нет, за шубы...

Я поймал себя на том, что почти всерьез рассматриваю возможности введения в байму такой хрени. Разозлился, у себя в кабинете отыскал на столе сдвинутый за ненужностью в

кучу потенциального мусора блестящий кусочек картона. На нем надпись: «Социальное равновесие», а под ним буквами помельче: «Тамара Вовк, юрист».

Я набрал номер, на том конце голос прозвучал сразу же, едва закончились щелчки набираемого номера:

– «Социальное равновесие», Тамара Вовк...

– Тамара? – сказал я. – Это Владимир Черновол. Помните, вы заходили к нам с одной весьма необычной идеей?

– Да, – ответила она бесстрастно, – да-да, что-то припоминаю.

Я ухмыльнулся, приятно замечать, когда переигрывают, уж слишком голос холодный и обезличенный, слишком.

– А вот я вас запомнил лучше, – сказал я, – что неудивительно, красивые женщины в памяти остаются лучше, чем умные... Нет-нет, не спешите класть трубку. У меня появились вопросы. И некоторые, так сказать, неясности. Не могли бы мы встретиться?

– Хорошо, – ответила она, – приезжайте, все объясню. Только не сейчас, у меня встреча, потом совещание, а затем разбор и подготовка нужных бумаг... Давайте запишу вас на завтра... после четырнадцати часов в любое время... до восемнадцати.

– В восемнадцать заканчиваете? – поинтересовался я. – Счастливый вы человек. А мы вот до поздней ночи... Хорошо, а если встречу сегодня после работы? Где ваш офис территориально? Могу подъехать к выходу. Если, конечно, вас кто-то уже не встречает...

Она ответила недовольно:

– Я не смешиваю работу и личную жизнь.

Я запротестовал:

– Но я еще не затаскиваю вас в постель! Просто по дороге домой вы сумели бы развеять туман в моих мозгах.

– Вы не так поняли, – ответила она резковато, – я имею в виду, после шести вечера у меня заканчивается рабочая жизнь и начинается личная.

Я сказал с досадой:

– Бойтесь переработать? Ладно, проехали... До свидания. Спасибо за разъяснение.

Я уже убирал трубку от уха, когда услышал ее голос:

– Хорошо-хорошо, если это вам так нужно для работы... подъезжайте.

Глава 4

До их юридической конторы минут двадцать, но я выехал за час, не секрет, что творится на дорогах, и хотя знаю все объездные пути через дворы, но я не один такой умный, нашлись и другие, гады, сколько же их за рулем, половина купила права, а половине подарили по пьяни...

Впереди что-то вроде вялотекущей пробки, чувствую, как пошли чаще толчки сердечной мышцы, а тут еще какая-то сволочь ухитрилась умело вклиниться с правого ряда прямо передо мной, и уже поздно давить на газ, разве что садану бампером в задницу. Убивал бы этих сволочей...

Разрешенная скорость – сорок километров в час, иду на пятидесяти, а тут какой-то гад проносится мимо так, будто стою на месте! Ну пусть бы обогнал, ладно, авось там гайцы поймают, а я победно проеду мимо, ухмыляясь, но там впереди раскорячился «КрАЗ» с полным кузовом бетонных блоков, и этот лихач поспешно вклинился в мой ряд аккурат передо мной, сволочь, и ползет, ползет, ползет на двадцати километрах в час, догнать бы да набить морду...

Я пилил за ним, прожигая взглядом ему шины, пробивая заднее стекло и вообще, будь моя воля, незримо крутанул бы ему руль в сторону, чтобы автомобиль этого пятнистого гада вылетел с трассы в канаву, а там вообще заглох.

Фу, наконец-то придурок на стареньких «жигулях», что пилил в левом ряду, догадался уступить дорогу. Его обгоняли, кто смотрел неодобрительно, кто показывал средний палец, а один швырнул шкурками от банана и попал в лобовое стекло. Правильно, вообще такому уроду можно кирпич бросить...

Причиной затора оказалась авария, столкнулись «мерс» и «вольво», выясняли, кто круче. Из-за уродов две полосы заняты, а по оставшейся мы протискивались сорок минут. Если бы наши проклятия срабатывали хоть в сотую часть силы, от гадов остались бы одни тлеющие ошметки. Еще одна пробка, но уже поменьше: посреди дороги застыл дряхлый «жигуль», «закипел», водитель выставил аварийные знаки и, запершись в кабине, ждет, похоже, наступления холодов.

Обливаясь потом, я все же включил кондишен. Хоть и вредный, говорят, но все же к даме, ради нее могу даже кофе на ночь, хоть это тоже ужасно вредно, как сказано в медицинских новостях.

Она вышла элегантная, строгая, очень деловая, разве что роговые очки сменила на широкие темные. Все то же безукоризненное лицо, косметики минимум, хорошая свежая кожа и ясный взгляд.

Я выскочил из машины, открыл дверцу и ждал, чувствуя себя несколько глупо и не в своей тарелке. Среди наших не принято обременять себя мерехлюндиями, Алёна еще та красотка, но никому из нас не придет в голову распахивать перед нею дверь или придвигать ей стул. У нас равноправие полов не на словах, а здесь я как бы и не я...

Она приветливо, хоть и очень сдержанно улыбнулась:

– Как вы только ухитрились припарковаться в такой тесноте... Спасибо.

Она опустила на правое сиденье, я любовался, как, не глядя, ловко защелкнула ремень, профиль четкий, утонченно законченный, вообще лицо из таких, когда ни убавить, ни прибавить.

Я начал осторожно выдвигаться в слитно ползущий поток машин. Она сказала предупреждающе:

– Я живу на Профсоюзной. Это и далеко, и там постоянные пробки. Так что давайте быстро объясню, что вы хотели узнать, и сможете посадить меня раньше.

– Что вы, – сказал я, – как-то надеялся, что поужинаем по дороге... Да не смотрите таким зверем! Я вовсе не имею в виду, что кто ужинает девушку, тот ее и танцует. Я тоже только что закончил работу! И проголодался.

Она покосилась в мою сторону:

– Да, вид у вас голодный.

– В какое кафе или ресторан заскочим?

– На ваш выбор.

– Хорошо, посмотрим, где меньше машин на стоянке...

Улицу перегородил выползающий из переулка приземистый погрузчик с выдвинутой над кабиной стрелой с широкой площадкой, что делала его похожим на кавказца в национальной кепке.

Я молча ругнулся, Тамара чуть улыбнулась уголками губ. Я покосился на ее чеканный профиль: ни одной лишней детали, лицо угловато-нежное, сразу возникает образ рожденного в дизайнерских муках дорогого автомобиля с его вызывающе спортивными обводами и в то же время изысканным комфортом.

– Смотрите на дорогу, – попросила она тихим голосом.

– Я и смотрю, – буркнул я.

– Я не дорога...

– Это вы так думаете, – ответил я. – Может быть, как раз дорога на новую ступенечку. Понять бы, эта ступенька вверх, а не в сторону, где пропасть?.. Очень уж многие делали шаги именно в сторону, полагая, что вверх... Их косточки там далеко внизу быстро растаскивают мелкие хищники.

Она сказала сочувственно:

– Вы живете в мире хищников?

– Да, – ответил я с горечью. – Именно. В мире, в котором сильный пожирает слабого, но это дает возможность существовать ряду категорий граждан, что совсем не являются необходимыми для общества. Простите, я не имел в виду именно юристов и «зеленых».

Она холодно вато улыбнулась:

– Понимаю, что вы имели в виду.

– Простите, – сказал я покаянно, – я в самом деле просил о встрече не для споров и нападок, а чтобы глубже понять вашу позицию и... постараться оценить, насколько она востребована обществом. Или будет востребована.

Она спросила с ноткой вызова:

– А если недостаточно востребована?

– Простите?

– Если, говорю, – сказала она, – в полной мере будет востребована только через год-два, а то и десять лет?

Я пробормотал:

– Конечно, хорошо быть Коперником, но и на костер не хочется. С другой стороны, производство любой серьезной игры занимает несколько лет.

Она ахнула:

– Так долго? Больше, чем фильм?

– Фильм ерунда, – сказал я с пренебрежением. – Актерам велел смеяться – смеются, велел плакать – плачут. А тут все нарисовать надо... Так что байма – это серьезно и, главное, долго.

Она смолчала, наблюдая, как я, слегка нарушая, перестраиваюсь из левого ряда в правый сразу через две полосы. Там пополз, выбирая щелочку, куда можно втиснуться машине. К счастью, повезло, впереди один как раз отъезжал, я сбросил скорость до черепашьей, затем втиснулся на освободившееся пространство, опередив сразу двоих, что уже присматривались.

Я нарочито выбрал кафе, а не ресторан, а то подумает еще что, хотя это кафе даст сто очков иному ресторану. Уютный зал, прекрасная, под старину, мебель, яркие люстры под потолком, не люблю дурацких свечей на столах, накрахмаленные салфетки и меню в толстых папках из дорогой кожи.

Я придержал для Тамары стул, она опустилась царственно и спокойно, словно придвигаю вот так уже лет десять и не отдерну, чтобы с визгом грохнулась на пол, нелепо задрав ноги.

В самом деле, был импульс тихонько убрать, не люблю важничающих, но эта королева чего-то трусит, чувствую, не такой уж я и захайтекенный.

Официантка появилась после строго рассчитанной паузы, женщина должна за это время что-то выбрать и сообщить кавалеру, однако мы как-то забыли про меню, я спохватился и сказал быстро:

– Да вряд ли у вас есть все, что в меню... больно здесь всего много. А что готово прямо сейчас? Мы зашли просто поужинать.

– Прямо сейчас могу подать...

Пока она перечисляла, я повернулся к Тамаре:

– Что-нибудь особое?

Она покачала головой, на лице проступила недовольная гримаска.

– Нет. На ваш выбор, только совсем немного.

– Хорошо, – сказал я. – Салат из свежих овощей и рыбы, пару бифштексов, ваши знаменитые блинчики. Кофе капучино, мороженое а-ля герц.

Официантка ушла, Тамара продолжила:

– В детстве все люди жестоки. Играя, обрываем бабочкам крылышки, жучкам – лапки, усики... Но сперва отдельные люди перестают это делать... когда взрослеют, потом и человечество принимает такие нормы. Уже для всех.

– В отношении человеков? – спросил я.

– Не только, – ответила она. – Несмотря на большие расходы, сейчас на бойнях устанавливают новейшие и дорогостоящие технологии, чтобы убивать скот без мучений. Раз уж мы пока не в состоянии отказаться от поедания мяса...

Я сказал с неловкостью:

– Знаете, ваш деловой облик, Тамара, как и вот даже это на «вы», очень даже не вяжется с вашей деятельностью.

Она смотрела, как школьная учительница на не самого прилежного ученика, строго и снисходительно.

– А в чем несоответствие?

– Только, умоляю, не бейте!.. Вижу вас настоящей бизнес-леди, которая занимается только реальными делами...

– Ну-ну, дальше. Не останавливайтесь, я же чувствую, что дальше идет какая-то гадость.

– Не гадость, – запротестовал я, – а несколько несерьезная сфера деятельности. Даже над «зелеными», что уже реальная сила, и то смеются, а вы вообще куда залезли! Виртуальных животных спасать!..

Официантка появилась тихая, как призрак, быстро и ловко расставила блюда. Я развернул салфетку, Тамара с прямой спиной и лицом фараонши взяла в одну руку нож, в другую вилку.

– «Зеленые», – заговорила она ровным голосом, – когда только начали появляться, над ними хохотали куда больше, чем вы над нами... Тогда мир был жестче и грубее. Их высмеивали, нередко просто избивали. Мужчины гордились всегда и сейчас гордятся подчеркнутой грубостью. Хохочут громче, ходят шире, на охоту ездят, якобы им это доставляет несказанное удовольствие... Это в наше время – на охоту!

Я смолчал, это ей да и мне, если честно, охота кажется дурацким занятием, а кому-то в самый кайф. Все можно подверстать под дурацкость: альпинизм, игру в покер, туризм, вообще весь спорт. Но раз это существует, то, видимо, зачем-то нужно, хотя я, конечно, будь моя власть, спорт запретил бы вовсе. Но я бы, наверное, закрыл и всю эту хрень, где пиликают на скрипочках.

– Да, – согласился я нехотя, – «зеленые» в последние годы обрели силу. Правительства под их зверским нажимом даже принимают законы... Но они хоть о реальном мире!

Она резала бифштекс ровными дольками, красиво накалывала и отправляла в умело накрашенный рот. Ее неспешные движения, полные неясного мне очарования, на миг сбили с мысли, я же приготовил убийственный довод, а теперь он выпорхнул, как испуганная ворона.

– С точки зрения реальности, – проговорила она негромко, – так ли уж важно, чтобы женщины ходили в синтетических шубах, а не в содранных с убитых для этой цели животных?... Это нисколько не влияет на мировую экономику.

– Так в чем же дело? – спросил я озадаченно.

– В росте нравственности, – ответила она тихо, будто сама стеснялась высоких слов. – Когда-то мы... а это действительно мы добились того, что людей перестали приносить в жертву. Здесь тоже экономика ни при чем! Людей рождалось много, почти все гибли, не доживая до полной старости, так что принести на костер или положить на жертвенный камень и, распластав, вытащить еще живое сердце было не потерей. Ни для человечества, ни даже для племени. Согласны? Это «зеленые» тех веков добились, чтобы людей заменили животными.

– Ух ты!

– А потом, – продолжала она чуть-чуть устало, – они же добились, спустя века и тысячелетия, чтобы животных заменили чем-то еще более простым и менее кровавым: ленточками, цветами, ладаном... Вот видела, как на Пискаревском кладбище ребенок положил конфету на плиту братской могилы... Так что, Владимир... простите, как вас по отчеству?

– Просто Владимир, – сказал я поспешно и зачем-то добавил: – А то у меня отчество слишком длинное.

Она кивнула:

– Так что, Владимир, вы это зря! Над теми, кто требовал заменить человеческие жертвоприношения на животные, смеялись куда жестче, чем вы над нами. Это не упрек, просто экскурс в историю. Вы ж такие крутые, отважные, презирующие слюни... а тут вдруг нехорошо людей бросать на жертвенный камень!

Я кивнул, сказал торопливо, стараясь перехватить мысль, пока она меня совсем не втоптала в землю:

– Да-да, я понимаю, мягкие и пушистые победили крутых и жестоких. Но...

– Что вас смущает?

Я в неловкости развел руками:

– Просто мне кажется, что ваша позиция уж чересчур... Все-таки мы имеем дело даже не с жертвенными баранами! У нас только изображение. Компьютерные программы. Одни компьютерные программы бьют другие. Точнее, взаимодействуют. В результате меняется расположение пикселей... Еще точнее, пиксели на экране высвечиваются несколько в иной комбинации. В нашем случае, мне кажется, вы зашли далековато в своем странном стремлении...

– В смысле?

– Где-то ваша забота о смягчении нравов, – объяснил я, – должна остановиться. Уже сейчас она выглядит... смешной. Мне почему-то не нравится, что над вами смеются. Но что делать, у самого рот то и дело растягивается уже не до ушей, а куда-то еще дальше.

– Странно, – произнесла она задумчиво, – что это я вам такое, а не вы мне... Обычно технари обгоняют, а гуманитарии тащатся сзади и бурчат о старом добром времени. И еще, как тогда было хорошо. Но нравы все смягчались и смягчались. Именно запретами!

– Того нельзя, – сказал я иронически, – этого нельзя...

– Вот именно, – согласилась она терпеливо. – Вчера еще было можно, а сегодня уже нельзя. Потому что сегодня мы лучше, чем были вчера.

– Но куда больше? Эта политкорректность достала всех. Кто над нею только не ржет во все горло!

Она кивнула:

– Понимаю. Однако же признайте, сторонники политкорректности побеждают... Вы что, хотите еще кофе? Не стоит на ночь такой крепкий.

– Ночь еще не скоро, – сказал я.

– Вы сова?

– По обстоятельствам, – ответил я. – Иногда вообще байбак.

Официантка поставила перед нами тарелочки с горками из ягод малины, клубники, земляники и чего-то экзотического, вроде папайи. Все это утопает в густом снежно-белом креме, а в высоких стаканах с широкими раструбами нечто еще роскошнее, тоже в креме и густо посыпанное раздробленными лесными орешками, грецкими и даже кедровыми. В довершение всего наверху розочки опять же из крема и некие гребни, похожие на плавники рассерженной рыбы.

– Ого, – сказала она, – не слишком ли на ночь?

– Бережете фигуру?

– Не слишком, – ответила она бесстрастно, – просто не переедаю.

– Даже если очень лакомо?

– А вы? – ответила она вопросом на вопрос.

Я развел руками:

– Честно говоря, я тоже. Но сегодня особый случай... К тому же у меня все сторает быстро.

Ее полные губы чуть дрогнули в улыбке.

– Да, похоже.

Она аккуратно и красиво снимала ложечкой мороженое, у нее получается горка еще красивее, чем соорудили на кухне мастера, это я сразу расковырял, как свинья, и не потому, что искал желуди, просто я программист, а этим все сказано.

Официантка подошла с папкой, я вытащил листочек со счетом, взглянул и положил вместе с ним купюру. Тамара поднялась, когда я захлопнул папку и опустил на середину стола.

Глава 5

Вечернее небо на головой такое густо-синее, словно там наложили три слоя, дальше в сторону горизонта становится фиолетовым, оранжевым, а у самой черной, как уголь, земли горит ярко-желтый свет, словно кипит и плавится море золота.

На фоне этого прекрасного и страшного неба высятся металлические скелеты высоковольтных вышек с тремя парами раскинутых в стороны худых рук, откуда в обе стороны уходят целые пучки проводов. Поставили их годы и годы назад, если не десятилетия, и будут стоять и в тот день, когда уйдем в сингулярность...

Впереди вялотекущая пробка, машины ползут обреченно медленно и покорно. Некоторые попытались проехать по тротуару, но там и застряли: дорогу сузил, оказывается, огромный кран, а он, чтобы не слишком мешать движению, влез правыми колесами на пешеходную часть, перекрыв путь хитрецам.

На длинной трубе покачивается кабина, очень похожая на мусорный бак. Электрик в желтой одежде возился с проводами, над ним летает и рассерженно кричит птица, вроде даже гадит на голову, но у электрика для этой цели предусмотрительно напялена каска до самых бровей.

Наконец миновали скопление, машины понеслись, набирая скорость, как освобожденные из клетки птицы. Тамара откинулась в кресле и даже чуть опустила сиденье, так что полулежит; у меня в мозгу сразу нарисовалась соблазнительная картинка. Раньше я таких женщин боялся, потом как-то ощутил, что многие из них нуждаются в нашем внимании даже больше, чем те, которые вешаются на шею при каждом удобном случае...

Тамара, словно уловив мои мысли, бросила в мою сторону предостерегающий взгляд. Многие, сказали ее глаза, но не все.

Хорошо, подумал, что телепатии не существует. Хорошо!

Она сказала: «Спасибо за ужин», а я не заметил, что после изобретения минета женщинам нет нужды помнить слово «спасибо», потому что женщины женщинам все-таки рознь, это уже усек.

Но пока рулил через весь город в свой район, все-таки бурчал и злился, обыгрывая некие упущенные возможности, когда можно было бы... ну, как-то запустить механизм процесса, что мы самец и самка, а не только девелопер и юрист.

«А я не буду, а я не стану, а ты нагнешься, а я достану!» Это пелось нашими родителями, дескать, парень высокий, девчонке и хотелось бы его поцеловать, но...

Сейчас, если спеть эту строку, у всех ассоциация будет иная: мол, она нагнется, а я засажу ей. То есть все сместилось, вернее – упростилось. Весь ритуал предварительных ухаживаний и ритуальных плясок, который есть даже у зверей, убран за ненадобностью.

Собственно, а зачем он? У зверей – понятно, звери не умеют даже говорить, самцу просто необходим этот ритуал, чтобы и объяснить, что, во-первых, хочет трахаться, во-вторых, силен и здоров, в-третьих, от него пойдет здоровое потомство. Все это он и объясняет при помощи сложного танца, а еще и в виде свадебного подношения, как, к примеру, паук самую жирную муху несет понравившейся паучихе, демонстрируя, какой он крутой охотник.

Люди – не пауки, не рыбы и даже не обезьяны. Этот ритуал наконец-то заменили демонстрацией суммы на кредитной карте плюс дорогой машины и элитной квартиры, а если не идет речь о продлении рода, то не требуется даже таких жестов. Потрахались для улучшения цвета лица – и все. Так, на ходу. В квартире, в подъезде, на улице или на эскалаторе – да где отыщется свободная минута и подвернется подходящий партнер. Подходящий для подъема гормонального тонуса, что улучшает цвет лица и способствует продлению активной молодости и актив-

ного долголетия, сейчас все на этом помешались. Но, наверное, траханье если не способствует, то и не вредит. Зато отвлекает от агрессии, мол, кто трахается вдоволь, тот не воюет...

Но ей такая простая мысль, похоже, в голову не пришла. Или по старинке полагает, что не всякий партнер подходит. Дура очкастая.

...Ночью снилось что-то поллюционное, не запомнил ничего, кроме ощущений, но утром очищенный мозг начал со старой притчи, где испуганная мамаша спрашивает: «Доктор, что с моим мальчиком?» Врач, осмотрев парня, говорит, у него компьютерная зависимость. «Ох, доктор, как его вылечить?» – «Да как обычно, – отвечает врач, – вино, сигареты, девочки...» Мораль проста, родители всегда оберегали своих детей от всего нового и непонятного: телевизоров, магнитофонов, теперь вот от компов и непонятно-заразного инета, где столько порнухи, столько порнухи... И невдомек, что те, кого уберегли, стали хорошими слесарями-водопроводчиками, а кого уберечь не удалось... эти несчастные стали учеными, банкирами, президентами, исследователями, промышленниками, просто предпринимателями...

Я еще помню картинку из детства, как бабушка меня привела к маме на работу, а там в бухгалтерии сотни тетенок щелкали на счетах, перебрасывая по толстой проволоке костяшки справа налево и обратно, как делали еще древние египтяне. И не хотели пересаживаться за компьютеры. Выиграла та, которая пересела первой. Только она и осталась в фирме, заменив остальных ленивых и тупых дур. Остальные вынуждены были искать не просто другую работу, но и переучиваться: кому нужны работники со счетами? Разве что для показа туристам, как индейцев с бубнами...

Но для нас гораздо важнее другое. Уже с детства у подростка выбор: либо вино-сигареты-девочки, либо компьютер с широкополосным доступом в инет. И родители, если не идиоты, понимают, что даже если ребенок ничему из инета и не научится, а это просто невероятно, немислимо и так пока еще нигде не случалось, то все равно сидит дома и упражняет мозги, а не трахается в подъезде с такой же поддатой, как и он, девчонкой, а потом не знают, кто кого из них заразил сифилисом, СПИДом и гонореей. Да еще и денег просит на аборт.

Вывод? Поколение просиживающих перед компом уже сейчас умнее на пару ступенек тех, кто за ними не просиживает. Даже если это поколение учится с ними в той же школе. Разделение проходит не по годам, а по этой странной линии, которой раньше не было и которую потому социологи и психологи пока еще не видят.

Конечно, поколение тех, кто не просиживает перед компом, в немалой степени крупнее, сильнее, у них лучше развиты бегательные и прыгательные функции, что таким важным кажутся в этом возрасте, и вообще они активнее во дворе, на улице и на вечеринках. Правда, потом будут мыть машины тем, кто просиживал перед компами, но это будет потом, а сейчас у них явное преимущество... которое видят только они да их недалекие родители.

Тимур утверждает, что процент разводов в семьях, где хоть один из супругов просиживает в инете, равен двум и трем десятым, а в традиционных семьях, где любят развлекаться привычным способом: кино, вечеринки, выезды на природу с шашлычками, – семьдесят три и пять десятых.

Всем нам эти цифры показались верными, так и должно быть, чему удивляться, только дотошный Роман насел, требуя показать источник, откуда взял. Тимур не стал юлить, а признался, что сам выдумал. Просто из головы взял. Роман поворчал, но сказал неожиданно, что вообще-то, когда проведут первое исследование на эту тему, цифры будет примерно такими. Видно по соседям, по знакомым.

Гулько начал напоминать про обед еще за час, он на какой-то хитрой диете, когда чем больше ешь, тем сильнее сгорает жир, но сухие мышцы остаются. Вышли на улицу, ахнули от слепящего солнца и прогретого до зноя воздуха.

Роман сказал пораженно:

– Ну и апрель!.. Или это всемирное потепление?

– Андронный коллапс, – поправил Тимур авторитетно. – Началась черная дыра... Скоро всех нас засосет.

Под жарким солнцем одни женщины одеты еще почти по-зимнему, другие уже в совсем легких топиках и мини-юбочках. Тимур засмотрелся на двух девчонок, одинаковые такие, только одна рыженькая, вторая беленькая, с развитыми фигурками, заорал весело:

– Эй, блондинка!.. У тебя вагина есть?

Беленькая оглянулась, лицо на удивление милое и женственное, почти не накрашена, взгляд ярко-синих глаз скользнул по нашим фигурам.

– Есть, – ответила она веселым щебечущим голосом. – А что?

– Покажи! – предложил Тимур.

Она снова скользнула по нас взглядом и отвернулась со словами:

– Покажу. Но не вам.

Тимур, нимало не смущаясь, звучно чмокнул, вытягивая губы трубочкой, я даже понял по его мечтательному лицу, что именно он вообразил.

Гулько пихнул его в бок и сказал сварливо:

– Беги места занимай!.. А то в прошлый раз пришлось стулья воровать из другого зала!

Я зашел в кафе последним, я же шеф, мне все равно и место займут, и стул придвинут. Могу, не отвлекаясь на бытовые мелочи, продолжать мотать клубок мысли, что, вообще-то, нет лучшего инструмента глобализации, чем баймы. Это сейчас они еще во младенчестве, их не принимают всерьез, но даже сегодня любой игрок постоянно сталкивается с другими, которые, пробегая мимо, то полечат, то пробафят, то помогут справиться с опасным монстром. Баймеры из других стран сперва общаются друг с другом улыбками и поклонами, потом учатся писать на ломаном английском короткие слова, затем дорастают и до общения по тимспикеру.

Любые баймы строим так, чтобы одиночных игроков принудить сбиваться в партии, в группы, в кланы, гильдии, а затем и в альянсы гильдий. Рейд-босса не завалить в одиночку, баймер начинает просить помощи, собирает группу из тех, кто готов помочь. Вот такая группа из немцев, русских, итальянцев, датчан, японцев и вообще экзотичных айсоров идет бить Большого Гада, на ходу распределяя роли: кому танковать, кому лечить, кому кого подстраховывать... И люди из разных стран начинают жить не просто общей жизнью, но эта их общность им становится ближе, чем соплеменники, говорящие с ними на одном языке!

К нам за стол плюхнулся Андрюша Скопа, бодренький и довольный, потирает руки. Посмотрел на мрачного Гулько, у того лицо одутловатое, под глазами темные мешки, кривится при каждом движении головы, словно она наполнена горячей ртутью.

– А не пора ли, – сказал Скопа с апломбом, – начинать борьбу с пьянством? Заодно и человечеству пользу принесем, хотя, конечно, меня интересует самочувствие нашего дражайшего Тарасика...

Гулько проворчал:

– Начинай, начинай... Я обеими руками «за».

– А что? – спросил Скопа задиристо. – Получилось же с курильщиками?... Медленно, но давили гадов...

– Это не мы, – возразил в интересах справедливости Роман. – Мода на здоровье их давила. Отец говорит, курение считалось признаком мужественности, а некурящие – хилыми. Когда сумели все перевернуть, тогда народ и ломанулся в некурящие...

– И с алкоголизмом сделаем то же самое, – сказал Скопа бодро. – Даже с пьянством. Пьющих объявим хилыми, недостаточно мужественными... словом, перевесим на них всех собак, каких сейчас вешают на непьющих.

– Этого мало, – сказал Роман трезвым голосом, – нужен комплекс мер. Объявить их социально опасными, нестабильными, намекнуть и на то, что пьющий за бутылку родину продаст...

– Э, э, – сказал предостерегающе Гулько, – давай без политики! Осточертела.

– Можно, – согласился охотно Скопа. – Пьющий все продаст! Нестойкий элемент... Слушай, Тарас, смотрел я твои концепты, красиво, но где ты видел деревья с синими листьями? Давай, дружище, поближе к реальности! Сейчас она востребована, как никогда! Видеокарты теперь одна другой круче, так и прут, так и прут! Все потянут.

Они поглядывали на меня, но я мирно хлебал большой ложкой ароматный борщ и показывал, что я в облаках и не снизойду.

Гулько поморщился:

– Что ты меня каждый день достаешь с этой гребаной реальностью? Я сегодня срезал угол на дороге на работу через парк, так сразу в собачье говно вступил!.. Громадное, какого-нибудь перекормленного кане корсо. Нужна нам такая реальность? Мы делаем мир, в котором должно быть хорошо!

Скопа повел носом.

– А ты подошвы хорошо вытер? – спросил он озабоченно. – А то запах какой-то...

А Роман вытаращил глаза и сказал протяжно:

– Кстати, это идея...

– Какая?

Скопа сказал обрадованно, не давая Роману вставить слово:

– А говно мобов разбросать по миру!.. Если вляпаешься, получаешь дебаф или какой-нибудь минус. Пусть даже маленький, но неприятный.

Я молчал, а Тимур наконец оторвался от сочной котлеты по-киевски, промычал с набитым ртом:

– Тогда развивай тему глубже. Это если вляпаешься в говно, скажем, антилопы. А если в говно дракона, то прилипаешь... скажем, на полчаса.

– Пока не подсохнет и не отвалится, – подсказал злорадно Скопа.

– Да-да, что-то в этом роде, – согласился деловитый Роман. – Сделать и говно мобов разноуровневым! Говно жуков и прочих низколеveledных просто не замечаем, ну разве что нубы страдают, средним доставляет неприятности, а от разбросанных фекалий рейд-боссов могут пострадать даже хай.

Тимур одобрил глубокомысленно:

– Да-да, это мысль. А то расслабляются некоторые, прут из одной локации в другую как в парке, под ноги не смотрят.

Скопа сказал беззаботно:

– Я вообще-то на коне. Если на конские копыта прилипнет, ну и что? Ему дебаф? Так я для кача все равно с коня слезаю.

– Скорость уменьшить, – сказал Роман. – Карьер на галоп, галоп на рысь, а если на рыси, то вообще конь перейдет на шаг.

Гулько покосился на меня, я все еще не реагировал, пусть народ брэйнстормит, наконец он раздул грудь, как самец ящерицы в брачный период, и рыкнул так, что затряслась посуда:

– Придурки, вы о чем?.. Я ж для примера! Как не надо! Что не стоит тащить в виртуальный мир из рилайфа! Как это самое, во что вляпываемся в реале!.. А вы?.. Как не стыдно?

– Деньги не пахнут, – ответил Тимур бодро. – Если на говне заработаем, как император Диоклетиан, то почему не вставить? Даже прикольно будет.

– Кому прикольно? – вскрикнул Гулько и чуть не опрокинул тарелку, взмахивая дланями. – В такую байму приличные люди заходить побрезгают!

– Откуда знаешь? – спросил Скопа деловито. – А вдруг как раз попрут? Телешоу вон сколько смотрят!.. А это еще то говно, любое говно перед их говном вообще запахнет пирожным!

Тимур с таким смаком облизал пальчики, что чувствительный Роман позеленел и зажал ладонью рот, а глаза полезли на лоб. Немного подумав, он взял свою тарелку и перебрался за другой стол.

Тимур потер ладони, глаза вспыхнули злорадным блеском.

– А у кого петы, тому совочек вручить и пакетик! Пусть за своими зверюками убирают. А что? Будем приучать к культуре!

Скопа сказал с сомнением:

– Так совсем замордуем баймера. Нет уж, пусть хоть в виртуальном мире оттянется... В смысле, отосрется. В реале нельзя, а тут пусть дефекалит вволю. Даже на тротуаре.

– Какие у нас тротуары? – спросил Тимур с недоумением. – У нас дикие и неисследованные локации.

– Тогда на памятники старины, – поправил Скопа. – У нас же везде из песка руины древних цивилизаций. Вот только собрался подойти и осмотреть, а там на плитах атлантов и лемурцев: «Здесь был Вася», «Коля + Маша = любовь», а также куча говна. И все довольны.

– А любители старины?

Скопа беспечно отмахнулся:

– Они не баймят. Они вообще компов боятся, а инет для них – сатанинская придумка. У нас же целевая аудитория продвинутых в хай-теке! Так что все путем. Срать можно вволю!

Тимур засопел, посмотрел умоляюще на меня, но я взялся за десерт и ни на что не реагирую, он ухватил тарелку и сделал вид, что возмущен, прямо щас уйдет вслед за Романом.

Скопа схватил его за руку:

– Все-все, сменили тему! Это же мы так. Прикалываемся просто. Ешь и не думай вовсе, что твоя котлета похожа не только на котлету...

Тимур молча взял тарелку и все-таки ушел к Роману. Скопа посмотрел ему вслед и сказал задумчиво:

– Может быть, лучше всего забаббахать на тему постъядерного мира? Ну там развалины городов, мутанты всякие, зомби, а мы ходим с автоматами, у которых патронов немерено, с рельганами и бэфээфами...

– Бефээфами, – передразнил Гулько. – Ты еще «Золотой Топор» вспомни. Нет, постъядерными, уверен, народ объелся. Что-то эти баймы, как стадо коров, поперли...

– Почему именно коров? – поинтересовался Скопа.

– Коровы тупее, – объяснил Гулько. – Даже ты соображаешь лучше. Нет, я другое заметил... Тенденцию!

– Ну-ну?

– Чем больше у народа компов, инета и мобильники чем навороченнее, – сказал Гулько, – тем сильнее нас тянет в мир меча и магии. Объелись техникой! Жить без нее не можем, видеокарты покупаем самые крутые, а мечтаем о волшебстве, драконах и принцессах... Потому байму надо делать именно на фэнтезийной основе!

Скопа подумал, сказал осторожно:

– Может быть, соединить мир магии и мир технологии?

Гулько отмахнулся:

– Уже делали. Я б не сказал, что успешно. Вроде бы и вашим, и нашим угождали, а что-то не идет. Фальшь какая-то чувствуется. Вроде двухголовых монстров. Рейтинг таких байм невысок.

– Может, плохо сделали? – спросил Скопа с надеждой.

– Да вроде бы, – ответил с сомнением Гулько, – графика на уровне... И мир детально проработан. И система боя... Нет, там именно это вот соединение. Многие, не разобравшись, скорее бегут в такую байму, чтобы хлебнуть того и этого щастя, а потом через месяц уходят обратно... А в Ультиму вон одиннадцатый год играют! Одни и те же.

Они все чаще поглядывали на меня, я молча допивал кофе и все еще не сказал веское слово.

– Шеф, а как это видится с высокой колокольни?

Я сказал с тяжелым вздохом:

– Знаете, ребята, первый признак бездельника? Он берется рассуждать, как преодолеть ипотечный кризис в стране, нехватку нефти по всему миру, глобальные проблемы интеграции, а дома вода хлещет из прорвавшейся трубы, дети кричат голодные...

– Понятно, – сказал Тимур быстро. – Все понятно, шеф! Я вот тут просчитал... Сейчас у всех двудерники, у многих уже и на четырех, а когда выйдет наша байма, будут восьмидерные. Так что можем уже сейчас анимировать даже морды! Проги уже есть, но можно устроить аппаратную поддержку, при драке будут кривиться в ярости, при шутках – улыбаться, хохотать...

Я молча отодвинул пустую чашку, все поднялись синхронно, Тимур искательно заглядывал мне в лицо. По дороге к двери я сказал с горьким вздохом:

– Хорошо бы, согласен. Заодно обскачем конкурентов. Но ты, Тимур, как будто ни в одну байму не играл!..

Он спросил обидчиво:

– А что я сказал не так? Что не так?

Я вздохнул еще горше:

– А ты не видишь, сколько нашего труда и так улетает в дупу?.. Вкалываем, как негры на плантации, над графикой, каждый листок вытютюливаем. Стараемся, чтобы при увеличении даже букашки ползающие были крупным планом со всеми их пятнышками, лапками, усиками... и что? Да любой баймер всегда поднимает камеру повыше, чтобы обзор, обзор!.. А то будет любоваться капельками росы, а сзади напрыгнет моб и сожрет искусствоведа на месте!

Хотя яркое солнце ударило в лица так, что все поморщились, Гулько ухитрился потемнеть, словно его одного накрыло грозовой тучей.

– Эх, – сказал он тяжело, – не хочется соглашаться с начальством, в подхалимы запишут, но из-за такого подхода баймеров... в самом деле многие наши находки коту под хвост.

– Ничего, – сказал я, – соглашайся, соглашайся. Люблю, когда мне вот правду-матку прямо в глаза.

Он сказал уныло:

– Как сказал Базаров, природа не храм, а мастерская, и человек в ней – работник.

– Это Некрасов сказал, – уточнил Тимур. – А что за Базаров? Нет такого писателя. Писарев, может быть?

– Вот-вот, – сказал Гулько. – Вся природа в байме – только мастерская. А еще место боя. На арене никто не рассматривает цветочки!

Мы брели к своему офису – до здания всего полквартала – настолько озабоченные, что прохожие начали посматривать с опаской. Одна из девчонок крикнула из их стайки, что покажет сиськи, только чтоб мы заулыбались.

Тимур тоже хмурился, оглядывался на девчонок и двигал кожей на лбу, наконец сказал горячо:

– Да? А попробуй выпустить байму с хреновой графикой! Сколько ни расхваливай геймплей и обширную карту, а без суперской графики не обойтись.

Скопа смотрел на Тимура, тот поглядывал на меня.

– Шеф, будем делать анимацию морд или нет?

– Будем, – сказал я. – Только в самых общих чертах. И только трех-четырех выражений. И так нагрузка на железо обрушится, как слонопотамская лавина!

Тимур удивился:

– Почему? Сразу заложу параметры, что анимация проявляется только тогда, когда ее рассматривают. Ну, скажем, при трехкратном увеличении. А когда смотрят сверху, как дерутся тридцать человек, то какая там анимация? Что есть, что нет – без разницы. Так что ее и не будет.

Скопа сказал заинтересованно:

– То есть делаешь привязку к колесу мышки? Как только начал зумить, тогда только, да?

– Не когда начал, а когда прозумил достаточно, – объяснил Тимур. – Нагрузка, кстати, ничуть не возрастет! Что трое игроков одного моба метелят, что морда одного чара на весь экран играет бровями, морщится, кривится... Это нагрузка не на железо, а на разработчиков! Это я намекаю, что инфляция растет, а наша зарплата все та же...

Я сказал, защищаясь:

– От вас зависит, чтобы байма вышла побыстрее и без особых глюков. Тогда будет не только зарплата. Большой сладкий пирог, понятно? Разделим на аккуратные такие неравные дольки! А пока затяните пояса потуже.

В нашем здании размещается два десятка контор, с обеда возвращаются с разных сторон так дружно, что у дверей уступают друг другу дорогу, как у входа в супермаркет.

Все помалкивали, только уже на нашем этаже Тимур заговорил:

– Если будет добро, я мог бы заложить не меньше сорока выражений лица... Да хоть сотню, если железо потянет! И совсем это не скажется на сроках! Дома поработаю и в выходные. Самому интересно. Пусть хмурятся, морщатся, смеются, стискивают зубы, выдвигают челюсти, надувают щеки... Некоторые привяжу к определенным типам... К примеру, хорошенькие девушки не смогут выпячивать нижнюю челюсть или играть желваками, а суровый варвар будет лишен кокетливого подмигивания...

Они заговорили уже о деталях, я отвлекся, мысль повиляла хвостом между рабочих тем и ушла к воспоминаниям о моей странной юристке. Как смотрела, что говорила, как слушала и что в этот момент могла подумать, когда я на секунду отвлекся от деловой беседы и как-то непроизвольно раздел ее взглядом... Она это ощутила либо что-то заподозрила. Наверное, я сбился с речи или как-то изменился в лице...

Как бы не подумала, что озабоченный. У нас, правда, женщин совсем нет в коллективе, если не считать Алёны, так что не бабники, видно. С другой стороны, это только для старшего поколения видно, а шибко продвинутые сразу решат, что мы просто сборище гомосексов.

Глава 6

В офисе еще почти пусто, только Василий Петрович неспешно, но мощно молотит по клавишам, рядом недопитая бутылка кефира и куча зеленых листьев. Да еще через два стола уже пялится в экран Алёна, пальцы быстро-быстро порхают над клавишей, печатает вслепую, на экране быстро крутится пугающая призрачная сеть, похожая на сеть для ловли привидений.

– Привет, Алёна, – сказал я. – Не надумала переходить к нам на полную ставку?

Она оглянулась, засмеялась, показывая ровные и блестящие зубы.

– Пока нет, но за предложение спасибо.

– Хорошо работаешь, – сказал я. – Я вижу, когда кто отлынивает. А ты, если можешь сделать недельную работу за пять дней, – делаешь. Я это ценю.

– Спасибо, – сказала она легко. – Я тоже ценю, что меня замечают. Спасибо, шеф!

Робко вошел и, заискивающе улыбаясь, направился к своему столу Арнольд Изяславович, довольно известный писатель, при взгляде на которого я всегда чувствую неловкость и даже смутную вину. Его привел и рекомендовал Василий Петрович как собрата по творческому цеху и вообще хорошего человека. С тех пор их столы рядом, основная задача Арнольда Изяславовича писать диалоги и реплики энпээсам. Он жутко стесняется своей работы, часто и конфузливо уверяет, что у него семь книг, за одну получил сразу три престижные премии, но литературой не проживешь, вот и того, подрабатывает.

Мне кажется, про эту подработку помалкивает среди своего круга знакомых, но и за нас держится отчаянно: все-таки хоть какие-то деньги, причем – стабильные.

Хороший милый человек, интеллигент до мозга костей, но он так и не чувствует, что нынешняя литература в прежнем виде умирает, это видно всем, у кого на плечах голова, а не приспособление для демонстрации шляпок и бейсболок. Поэзия уже склеила лапы. Последний всплеск у нас был всего полвека назад, когда поэты собирали народ на стадионах, а теперь сборники стихов даже лучшие из лучших выпускают за свой счет, и уже ни один поэт на свете не в состоянии прокормиться стихами, как кормились раньше тысячи.

То же самое и с прозой. Бумажное книгоиздание умирает, сейчас самые читающие страны – Индия, Бангладеш, Пакистан и подобные им, где все еще не стали массовыми проигрыватели фильмов, инет, баймы. Но это не было бы трагедией, если бы дело ограничивалось только изданием на бумаге. Подумаешь, сперва вообще писали на глиняных табличках! И литература не умерла, когда перешла на пергамент, а потом и на бумагу. Не умрет литература и оттого, что уже почти перешла на электронные носители. Я за последние несколько лет не купил ни одной бумажной книги: из инета качаю все необходимое. Но читать от этого не перестал.

Но беда в том, что и на иных носителях литература умирает. В основном все качают «нужное», то есть справочники, энциклопедии, рефераты, статьи... Если художественную и скачивают, то лишь с пиратских сайтов, когда можно качнуть сразу десяток-другой, а то и сотню романов, места занимают на диске мало, как-нить на досуге посмотрю... Чаше всего руки не доходят, а если и заглянешь иной раз, то по диагонали и только каждую десятую или сотую из скачанных.

Дело в том, что литература не изменилась со времен неолита. Она выполняет те же функции, что и «О все издавшем...», «Илиада», «Слово о полку Игореве», «Гамлет», «Война и мир», то есть ей по фигу, что мир изменился, она «о душе и внутреннем мире». Но это чистоплюйство грозит тем, что литература останется в том веке, уходящем. В новом веке высоких технологий ее уже не будет. Во всяком случае, той прежней, со старыми задачами.

Может ли литература измениться кардинально? Чтобы выжить в новом мире? А желательно не просто выжить, а остаться тем пылающим факелом, что рассеивал тьму на протяжении веков и даже тысячелетий, вел народы к свету и цивилизации!

Думаю, шанс есть. Но только если ее творцы поймут, что в мире высоких технологий прежние романы с «вечными проблемами» будут выглядеть, как сейчас мечи, кинжалы, бала-лайка и лапти на стене в прихожей современного интеллигента.

Мир меняется стремительно, все специалисты уверяют, что через тридцать-сорок лет наступит сингулярность, то есть человечество исчезнет как вид. Увы, люди живут, словно вот так все будет длиться до тех пор, пока не погаснет Солнце...

У литературы, как некогда самого массового и самого мощного воздействующего на сознание, есть шанс вернуть себе лидирующее положение, если начнет готовить общество к приходу нового мира, к резким и необычным изменениям в самом человеке и в мире вокруг него.

Литература может и обязана подготовить человека для Перехода. Это гораздо более великая и грандиозная задача, чем стояла перед нею во все века. Если литература возьмется за эту необходимую работу, у нее будет шанс войти в том или ином виде в сингулярность вместе с человеком, а не остаться там, где остались хомуты, кареты, салоны, ямщики, пейджеры и видеомагнитофоны.

Не скажу, что Тимур постоянно в оппозиции, но если уж упрется, его сдвинуть с места трудно, хотя с виду очень подвижный, быстро меняющий настроение. Может быть, его оппозиционность оттого, что его первого привлек в свою команду, которая с него и началась, потому ощущает свое привилегированное положение.

До нашего знакомства он занимался тем, что «пас» баймеров. Сперва это была забава, потом сделал солидным заработком. Он как никто наловчился подбирать пароли к аккам, заглядывал, проверял, в каком состоянии акк, и если там перс еще нуб, то оставлял расти.

Хайлевлам менял пароли, продавал на черном рынке. Как-то рассказал, что пасет сразу три многообещающих перса, растут очень быстро. Их хозяева покупают им самое дорогое оружие, доспехи с эпиков, а также маунтов, на которых навешивают разные дорогие безделушки, а также корабли и дома. У одного уже дворец за пять-семь тысяч долларов, хотя сам еще нуб. Это те, кто не хочет заниматься утомительным качем и прохождением квестов «на деньги», а вбрасывает в байму реальные деньги, скупая все, что можно купить для перса по высшему разряду.

Мы с ним познакомились, когда я по объявлению купил у него удивительно дешево мощную видеокарту и два харда. Пока он упаковывал мне их в коробку, я рассматривал его хитрые схемы на дисплее, успел понять назначение и посоветовал предостерегающе:

– Не прогадай.

– В чем? – спросил он невинно.

– Если играет взрослый, – сказал я, – да еще бизнесмен в отпуске, то его могут позвать дела в любой момент. Тогда подарит акк другу, чтобы не пропадало добро, а тот обязательно поменяет пароль.

– Успею, – ответил он самодовольно, но я видел по лицу, что предостережение принял всерьез.

Этим Тимур хорош, при своей чудовищной интуиции и умении просчитывать ход мыслей других людей он чутко прислушивается к советам тех, кого считает себе ровней. Ну, это я хватил, ровней никто в мире не считает себе никого, любой слесарь уверен, что он умнее президента, только вот обстоятельства не дали развернуться и стать властелином мира, но все-таки Тимур не только слушает других, но и вылавливает в их словах полезное для себя, а это свойство очень немногих людей.

Когда я взял кредит и создал фирму по разработке игр, первым пригласил как раз его. Сперва мы выполняли мелкие заказы, вспомогательную работу, затем однажды нам доверили сделать аддон для довольно простенькой игры. Мы уложились в срок, с тех пор у нас заказы

стали регулярными. Выплатив кредит, я взял другой, побольше, и потихоньку расширял коллектив, принимая все более сложные заказы.

Тимур привел меня к своему другу, с которым познакомился через инет. Комната – рай для компьютерщика: на столе три больших монитора, по стенам проложены толстые провода, на полках харды, ящики, к ним тоже протянуты провода, я понял наконец, что мы находимся внутри компьютеров.

Навстречу поднялся, отпихнув кресло на колесиках, высокий широкоплечий парень, взъерошенный и небритый. С беззаботной улыбкой протянул руку, рукопожатие оказалось, как у всех компьютерщиков, слабым и вялым, но я сам такой, вообще не понимаю эту дурацкую привычку с силой сжимать пальцы, словно в каждом видишь соперника и стараешься заранее припугнуть своей силой.

– Тарас, – сказал он, – Тарас Гулько. Интересуетесь нашими забавами?

– Не совсем, – ответил я. – Я вырос из коротких штанишек и подыскиваю таких, кто готов из них вылезти.

Скопа обиделся, засопел, но Тимур похлопал его по плечу успокаивающе:

– Ты сперва послушай.

– Тимур вам уже все рассказал, – напомнил я. – Хочу предложить работу в команде.

Тарас поморщился:

– Зачем это мне? Я свободен, как птица. Сам располагаю своим временем. И зарабатываю неплохо.

– Как? – спросил я. – Если не секрет.

Тимур сказал благожелательно:

– Тарас, ему можно. Умрет, но никому не расскажет. Я таких знаю.

Гулько заговорил медленно и вроде бы с неохотой, но постепенно загораясь, ибо у него не просто заработок, а постоянное соревнование с некими могучими силами, в котором он то и дело побеждает:

– Знаете ли вы, что восемьдесят пять процентов населения паролем ставят «1234»?.. А если требуется не меньше шести или восьми знаков, то продолжают ряд: «123456» или «12345678»...

Я удивленно pokrutil головой:

– Надо же... Я думал, только один я такой! Ладно, это понятно, но логины? А там как?

Он отмахнулся:

– Во-первых, у большинства опять же логины обычно совпадают с именами персов. Не знаю, то ли их хозяева что-то путают, когда заполняют форму регистрации, то ли лень у ума, но это так...

– Наверное, – предположил я, – просто не врубаются, что логин только для регистрации. Хотя вы правы, в некоторых баймах он действительно совпадает с таким же для входа в саму игру!

– С этими совсем просто, – объяснил он с улыбочкой превосходства. – Для особо ленивых там сбоку стоит галочка «Запомнить пароль». Это чтобы не вводить его всякий раз, когда заходишь в байму. Это же какая пруха!.. Такие логины я собираю сотнями с первого же прочесывания инета.

Он победно улыбался, мне захотелось как-то сбить слишком уж победный настрой.

– А если хозяин акка, – сказал я, – подаст в фирму жалобу, что у него украли акк? И начнет долгий процесс восстановления?..

Тарас отмахнулся:

– Во-первых, немалая часть этого вообще не делает. Украли так украли, сам виноват. Другие, таких большинство, просто не помнят, что писали в «секретных ответах». Никто не думает, что придется попасть в такую ситуацию. Это как езда в автомобиле: каждый слышит

по авторadio о катастрофах на дороге, иной раз даже сам видит, но все равно не верит, что такое случится с ним, и потому все равно превышает скорость, выскакивает на встречу, не пристегивается, разговаривает по мобиле, оглядывается на баб...

Я возразил:

– Но те, кто прокачал хайлелевлов, думаю, их берегут!

Он расхохотался:

– Когда начинали играть, они еще не хаи. А ответы уже забыли. Смешное то, что полпроцента игроков вообще сразу забывают пароль! То есть купил игру, установил, придумал пароль и ввел в нужное окошко, поиграл вволю, лег спать довольный, а на другой день уже не вспомнит, что же он умное такое пробил в указанном месте...

Я проворчал:

– Что, есть такие, что пароли не записывают?

– Таких абсолютное большинство, – заверил Гулько. – Потому что большинство в качестве логинов или паролей берет свои имена или фамилии, имена своих девушек или что-нить такое... заметное. Но наутро уже не может вспомнить. У нас же как: скорей-скорей попасть в игру! Торопливо заполняешь окошко, энтеречишь, и вот уже в новом волшебном мире...

– А что делаешь с теми, кто просто забыл пароль?

Тарас отмахнулся:

– Этих сразу видно, они застряли на первом-втором левле. Ну, кто сколько сумел пройти за один день. Я жду некоторое время, а если левлы не растут, то продаю эти акки. Все-таки игра стоит полсотни баксов. Я продаю за двадцать пять, с руками отрывают!

Я поморщился:

– Не густо.

Он сказал обидчиво:

– В целом неплохо, дураков много. Согласен, это не те деньги, на которые покупают «мерсы». Но, во-первых, мне это нравится, во-вторых, я не паленой водкой торгую, а торчу в любимом деле, да еще и денежки капают... А что? У тебя есть идеи получше?

– Есть, – ответил я.

Глава 7

За время, пока обедали, на форуме игроделов появилось две новых темы, а в десятке старых запостили по несколько сообщений. Я просмотрел наискось, чувство гаденькое, словно помахали перед мордой конфеткой и не дали.

С развитием инета и появлением форумов получила распространение очевидная вроде бы мысль: когда под никами, когда полная анонимность, каждый вроде бы сможет высказывать свое личное мнение, ничуть не обращая внимания на окружающих. Его не видят, не знают и даже в будущем не покажут пальцем: смотрите, это тот самый дурак, который думает иначе!

Однако оказалось, что стадность в человеке гораздо сильнее, чем предполагали. Даже при гарантии полной анонимности человек старается выглядеть лучше, чем он есть, и точно так же свое личное мнение подстраивает под мнение большинства. Особенно это заметно на литфорумах, когда кто-то уверенно и аргументированно громит в пух и прах какое-нибудь достаточно сильное произведение и там же вздохом хвалит, тоже очень умело, что-нибудь слабенькое и серенькое.

И вот большинство, которое без таких ориентиров черное назвали бы черным, белое – белым, а серое серым, тоже начинают растерянно мямлить, что да, вот то слабое, там полно ошибок, ляпов и промахов, а вот это, напротив, произведение сильное, в нем нет ляпов и промахов, ровное и гладкое, как асфальт!

Дельцы от пиара вздохнули свободнее и ликующе потеряли лапы: оказывается, инет их власть не пошатнул! Смешнее всего наблюдать эту стадность на примере молодых ребят, именно они жаждут быть не как все, и в то же время именно их проще всего сплотить в однородную одинаковую массу, всего лишь указав на какую-нибудь заметную фигуру в политике, бизнесе, искусстве... да все равно где, объявить мишень ретроградом и вообще тупым гадом и... все, этого достаточно! Одинаковыми словами и с одинаковым жаром набрасываются, шельмуют по всем форумам, выискивают недостатки, подлаживаясь... да-да, именно подлаживаясь под общий настрой аудитории форума, где добавляют и свой лай. Сказали ведь, что у такого-то гада одни недостатки, вот постараюсь и я найти их, что я, дурнее других? И ищут, порой сами попадая в смешные ситуации.

Тарас Гулько зашел при всей своей громадности тихий и, как всегда, старающийся не занимать много места. Положил на стол распечатку карты со стартовыми локациями, я изумился, почему все сдвинуто, он объяснил кротко, что так велел Тимур, раз уж собираемся в аддоне ввести новую расу.

– Подать сюда наглеца, – потребовал я.

Тимур долго объяснял и приводил убедительные доводы, я грозно велел все вернуть взад, до аддонов еще дожить надо. Потом у меня еще выпили по чашке кофе, как бы за примирение, а то говорили на повышенных тонах, я указал на экран.

– Видели, как поливают?

Гулько дисциплинированно кивнул, он поглядывал на дверь и подбирал повод, чтобы смыться из кабинета грозного шефа. Как многие крупные и сильные люди, он всячески избегал ссор, зато Тимур сказал с самым независимым видом:

– А ты только теперь заметил? Прости, в тебе говорит недостаточная, прости еще раз, некомпетентность.

– Недостаточная некомпетентность? – переспросил я.

– Компетентность недостаточная, – поправился он неохотно. – Уже были проверки, и выяснили очень интересные особенности.

– Какие?

Тимур широко и довольно заулыбался, не часто бывает возможность потыкать шефа мордой об стол, да еще при сотрудниках.

– Когда, – сказал он нравоучительно, – на форуме обсуждают какого-нибудь нашего певца, занявшего первое место на всемирном конкурсе, или писателя, чьи тиражи зашкаливают, в их адрес летит столько говна, что все самосвалы страны не вывезут. Железную дорогу надо подключать! А рядом обсуждают творчество какого-то серенького автора, там одни похвалы, его величают гением!

Я буркнул:

– Подумаешь, все знают, что их постят одни и те же личности, меняя ники. С динамическими адресами это просто.

– Но сперва это были догадки, – уточнил Тимур, – потом уверенность, а вот когда собрались с силами и, подключив властные структуры, проверили, тут и выяснили, что в политике на такой ниве трудятся в поте лица активисты соперничающей партии, а вот в искусстве...

Он засмеялся, оборвав себя. Гулько прогудел недовольно:

– Тимур, чего ржешь?

Тимур ответил со смешком:

– В искусстве, как обнаружили с некоторым удивлением, стараются как раз обойденные на прямой к финишу! Сами литераторы. А еще те немногие собутыльники, что за друга Васю кого угодно обосрут. Но это было бы еще ничего, обычная борьба, не это обеспокоило власти. Для правительства что один певец, что другой – без разницы. Пусть даже никто не победит ни на каком конкурсе, цена на нефть не упадет и ВВП не дрогнет. Но то, что молодые ребята, еще не умеющие отличать правую ногу от левой, так бездумно вливаются в стадо и ломаются под рукой манипуляторов в указанном направлении... гм...

Я сказал хмуро:

– Для этого надо им только говорить: вот теперь вы – личности! Вот теперь вы не стадо!..

– Да, – согласился Тимур, – молодыми управлять легко. Неужели я такой старик? Молодежи надо почаще про их отличие от других, и вот они уже все, как доски в заборе. Странно, я всегда надеялся, что в инете человек свободен. Сидит себе в своем Мухосранске в одних трусах или даже без них перед компом, никто не видит, берет любой ник и пишет, как сам считает правильным и что считает нужным... Но, увы, даже такими оказалось так же легко манипулировать, как если бы они стояли на площади и слушали Цицерона.

– Еще легче, – сказал я невесело. – На митинг еще нужно народ собрать! А тут забрасываешь сеть сразу по всему миру и вылавливаешь не совсем умных, но которые страстно хотят казаться умными, оригинальными, лихими. Потому инет и зовут сетью или паутиной. Черт, как они достали... Или это все-таки соперники стараются?

– Они задают тон, – сказал Тимур. – Остальное – подгавкатели.

Алёна убежала первой за пять минут до конца рабочего дня, остальные разбрелись кто когда. Дольше всех проторчали Тимур и Роман, обоим хотелось успеть закончить сегодня что-то совсем уж надоевшее, а завтра взяться за новое.

Я ушел последним, прежние дома, которые видел днем, исчезли, вместо них нечто незнакомое, подсвеченное снизу и потому чуточку марсианское. Проезжая часть улицы залита двумя потоками огней: в мою сторону приближается оранжевый поток раскаленного золота, а рядом, отделенная только белым пунктиром, течет в другую сторону красная с багровым тяжелая река застывающего металла.

На пешеходной части улицы прежние люди то ли вымерли, то ли их перебили, а вместо них город заполнили существа иной расы: никуда не бегут, одеты иначе, смеются громче, с любопытством смотрят по сторонам...

– Эй, парень! У тебя пенис есть?

Звонкий девичий голосок, вроде бы уже слышал такой, я поспешно обернулся. Молоденькая девчонка, почти подросток, а смотрит на меня нахально и весело.

– Есть, – ответил я несколько уязвленно, как могли подумать, что я беспенисный.

– Покажи!

– Еще чего, – ответил я с достоинством. – Ни за что!

– Почему? – спросила она с интересом.

– Я скромный, – объяснил я. – И застенчивый. Вот такой я.

– Странно, – удивилась она. – Всегда думала, что показать пенис проще, чем вагину.

– Это кому как, – ответил я.

Она сказала язвительно:

– Так чего же ты кричал тогда, чтобы я показала вам?

– То не я кричал, – объяснил я. – Это Тимур, мой приятель.

– Это тот маленький и юркий?

– Ага.

Она нахмурила лоб, припоминая, покачала головой:

– Он противный. И мне сразу не понравился. А тебе бы показала.

– Ну, спасибо...

– Хочешь, покажу?

– Нет-нет, – сказал я поспешно, – не надо.

– Почему? – удивилась она. – У меня там классно! Даже татуху отпадную забабахала!..

И губы бантиком, конечно.

– Не интересуюсь, – заявил я твердо.

Она спросила озадаченно:

– Ты... асексуал?

– Трансчеловек, – ответил я гордо.

– Транс... чего?

– Да ладно тебе, – сказал я. – Знаю, что подумала. Если транс, то трансвестит или трансбистер. А я трансчеловек, а трансчеловек – звучит...

– Гордо?

– Просто звучит, – сказал я. – А человек – это говно такое промежуточное. Вообще-то не говно, но если может перейти в трансчеловеки, но не переходит, то говно.

– Ух ты, – восхитилась она. – Значит, вы даже лучше, чем люди? Что-то вроде панков? Или готы? Может, эмо?

– Нет, – сказал я терпеливо, – это совсем другое. Панки – это обезьяны, только крашенные. А трансчеловеки... да ты не поймешь, ты же блондинка!

Она сказала обидчиво, но с достоинством:

– Да, причем натуральная, не крашенная!.. И что? Дура?.. Ладно, колись, что это за направление? Или это у вас секта?

– Да, – ответил я. – Секта. Как были сектой христиане. Только в отличие от христианства трансгуманизм охватывает весь мир. У нас уже во всех странах есть секции! В развитых. В неразвитых только панки и всякие там байкеры, свингеры, эмо, сексуалы и тусовочники. И еще всякие-разные, я их не знаю и не интересуюсь.

– Ух ты какой! – сказала она с уважением. – Значит, чем-то крутым занят?

– Не очень, – ответил я скромно, – однако... гм... дело есть. А времени по дискотекам таскаться нет. Да и желания.

Она вскрикнула огорченно:

– Ну ты чего? А я нацелилась затащить тебя...

– На себя?

Она отмахнулась:

– Да что ты о такой ерунде! Хотя бы вон в тот клуб. Девчонки разбежались, а одной как-то непривычно... В самом деле, хочешь покажу? У меня там родинка. Прикольная!

Я пробормотал:

– Да ну... что прикольного в родинке?

– На таком месте не бывает, – сказала она со знанием дела. – А у меня есть. На осмотре врачи всегда спрашивают, что это... Давай покажу!

Я пугливо огляделся по сторонам.

– Вот так, на улице?

– Ну и что? – сказала она задорно. – Экстрим! Да и вообще... Вот увидишь, никто ничего не скажет. Даже неинтересно.

– Не надо, – ответил я уже не так твердо. – А вот не надо.

– Почему?

– А я трансчеловек, вот почему.

– Жаль...

Она выглядела в самом деле беззащитной и потерянной, как котенок, что вышел из темной страшной подворотни на дорогу и жалобно смотрит на огромных людей в надежде, что кто-то наклонится и возьмет в большие теплые ладони, где сразу станет надежно и защищено.

Странная нотка сочувствия отозвалась в моей заскорузлой душе.

– А что там? – спросил я. – В твоём клубе?

Она сразу оживилась, выпрямила спинку, сиськи красиво натянули тонкую майку, четко обозначив соски. Судя по форме, груди у нее торчат ареолами вверх, так что достаточно лишь наклонить голову, чтобы твердеющие горячие ниппели уперлись в губы.

– Там все, – ответила она поспешно. – Там весело!

Я подумал, покачал головой:

– Нет, не хочу рисковать. Хотя рядом с моим домом есть тоже какой-то клуб. Слышал, там кормят неплохо, а я после работы жрать хочу.

– Идет! – ответила она с готовностью. – Согласна!

– Хорошо, – сказал я, – когда девушка на все согласна.

– Я согласна на все, – подтвердила она серьезно.

– Пойдем, – сказал я. – Вон моя торчит.

Спина моего внедорожника в самом деле выступает над ровным блестящим рядом машин, предназначенных для ровных городских дорог.

– Тебя как зовут? – спросил я.

– Лиза, – ответила она торопливо. – Но меня обычно зовут Лисенком.

– Лисенок, – спросил я, – а ты уже совершеннолетняя?

Она спросила удивленно:

– А ты что, против подросткового секса?

– Вообще-то стараюсь избегать, – ответил я.

– У меня сиськи еще отрастут, – заверила она. – Говорят, лучше растут, когда часто щупают... Ой, это твоя? Такая огромная?.. Да ты крутой!

Я открыл перед нею дверцу, Лисенок даже опешила от такого непривычного в ее мире жеста, но быстро сориентировалась и села красиво, как в кино, уже улыбаясь всему миру царственно, как положено даме в крутой машине.

Коммуникатор то и дело говорил приятным женским голосом что-то типа: на следующем повороте поверните направо, потом пятьсот метров прямо, Лисенок сперва слушала с раскрытым ртом, как будто оказалась в волшебной сказке, потом начала ловить на ошибках и дальше всю дорогу спорила с ним и ругалась, объясняя, что надо совсем не так и вообще заедем в другую сторону.

– Изменение маршрута, – передразнила она и, дождавшись, когда коммуникатор сказал послушно: «Изменение маршрута. Возьмите налево, а затем сразу же направо», вскрикнула ликующе: – Я ж говорила, дур туда набрали! Наверное, у нее ноги красивые!..

– Через семьдесят метров возьмите направо, – сказал коммуникатор.

– Дура, – сказала Лисенок. Мы обошли потрепанный «жигуль», я видел, с каким усилием она удержалась, чтобы не показать парню за рулем язык. – Точно ее за красивые ноги взяли! У меня, кстати, тоже не кривые.

Движение медленное, автомобили не только припаркованы в два ряда, что не способствует скорости, но и на тротуаре стоят так, что прохожие протискиваются под стенами зданий, отполировывая их задницами.

– «Твой дом „De Luxe“, – прочла она слоган на красной растяжке, – с видом на Кремль»... А, я знаю, знаю, это вон тот дом, видишь?

Показался Кремль, две золотые луковицы колоколен над желтым зданием Верховного Совета, затем мост, и справа на здании выстроились гигантские буквы «МОСПРОСТРОЙ-МАТЕРИАЛЫ», а рядом главная церковь страны, причем с этого ракурса, когда переезжаешь мост, надпись как бы указывает, что это ее склад и что в том огромном каменном сарае с золотым куполом и крестами можно найти всякие материалы.

На мосту застряли в пробке, но впервые я не злился: Лисенок бурно восторгается фонтанами среди реки, огромным телеэкраном, где вспыхивают яркие кадры из рекламируемых блокбастеров, вдали, слева от шоссе, крупные буквы на крыше «Samsung», а справа – красно-кирпичные башни.

Серое квадратное здание с надписью на крыше «Ударник», под ним чуть мельче: «Рис и рыба ресторан», за ним выплыл несправедливо, на мой взгляд, оплевываемый большинством москвичей памятник Петру, отсюда напомнил высоковольтную вышку: те же размеры, высота, и по три пары растопыренных в стороны рук, с теми же пропорциями: нижние длани самые длинные и мощные, средние помельче, а верхние самые короткие. Только проводов почему-то нет.

Она таращила глаза по сторонам и ахала, и хотя не думаю, что видит впервые, но из салона автомобиля можно смотреть на обе стороны, а еще и вперед, кроме того, на скорости сменяется больше чудес, нужный эффект дает изобилие, количество на квант времени, а я отметил только крупную белую растяжку через всю широченную улицу с двумя загадочными словами «Будущее близко» и буквой «Р» рядом не то со шестеренкой, не то стилизованным девятилучевым цветочком.

Впереди и без того широкая улица готовится распахнуться во всю ширь, новую часть символизирует фигура Гагарина на высоком шпиле, промелькнула последняя растяжка «Ветераны ВДВ поздравляют ТРАНСГИДРОСТРОЙ с 80-летним юбилеем!», дальше по улице растяжки не выдержат собственного веса.

Потом она вспомнила, что ездю в крутой тачке полагается отрабатывать, начала деловито отыскивать на моих джинсах язычок «молнии», мне стало жалко малышку: будет тупо смотреть на мои помидоры вместо красот за окном, и сказал великодушно:

– Успеешь. Смотри, какой дом-башню отгрохали! Леса снимут, вообще будет игрушка...

– Да, – откликнулась она счастливо. – Эх, как бы там здорово жить! У нас в микрорайоне одна сумела все-таки устроиться. Давала в инете объявления, что поедет на юг за интимные услуги, а потом – что и в ресторан или в клуб какой, но чтоб тачка была не ниже «бээмвз». Один так часто ее с собой брал, что недавно они решили пожениться!.. Везет же... Правда, у нее фотка в инете отпадная.

Глава 8

Возле ночного клуба толпится народ, в основном подростки и очень вызывающе одетые девушки. На тротуаре поблизости две патрульные машины с мигающими маячками, на входе двое загораживают дорогу.

– Что случилось? – спросил я.

Мне ответили из толпы зевак:

– Авторитета арестовали... Сейчас там его подельников вяжут, протокол составляют...

Эх, вечер испортили.

Лисенок горестно охнул:

– Жаль, клуб такой большой... Я в нем еще не была...

Я развел руками:

– Извини, я не знал, что будет такая катавасия... Уж и не знаю... Куда-нибудь в ресторан?.. Или пойдем ко мне, вот мой дом рядом. А поесть найдем. И музыка тоже есть.

Она тяжело вздохнула:

– Пойдем.

Я поставил машину на охраняемую стоянку, это прямо перед домом, консьержка проводила Лисенку любопытствующим взглядом.

Я открыл дверь в квартиру и пропустил вперед Лисенку. Она охнула и остановилась испуганно.

– Ой, – прошептала она тихонько, – там кто-то есть... Ты ошибся?

– Все в порядке, – сказал я. – Это я, когда подъезжали к дому, дал команду наполнить ванну и приготовить ужин. А сейчас вон слышишь?

Со стороны кухни раздался короткий взрыв размалываемых зерен, затрещало, защелкало, словно кто-то палит из пулемета с сотней стволов. Лисенок зашла с опаской, заглянула в ванную, там все еще из крана бежит вода, робко вступила на кухню, повела курносый носиком.

– Ух ты, пахнет вкусно... Как ты такое сделал?

– Да это нетрудно, – ответил я, – тому, кто умеет. Через пару лет упростят и напишут проги для домохозяек, тогда будет во всех магазинах... Туалет вон там.

– Спасибо.

Уже успокоившись, она пошла к указанной двери, на пороге оглянулась с задорной улыбкой.

– Так показать мою родинку?

– В другой раз, – ответил я.

Пока она отсутствовала, я проверил кухню, она постаралась по полной программе, ничего не подгорело, как у меня бывало вначале, и не выключилось раньше времени. Я разложил по тарелкам ломти сочного зажаренного мяса, гарнир, посыпал зеленью и налил в фужеры красного вина.

Лисенок вышла с капельками воды на длинных ресницах, принялась:

– Как вкусно пахнет! Это она сама?

– Умница, правда? – спросил я.

– Еще какая!

– Садись.

Я щелкнул пультом на брелке, под потолком вспыхнула люстра. Лисенок ахнула в который уже раз.

– Как ты это делаешь?

Я бросил ей крохотный пультик, она ловко поймала.

– Вот смотри. Тут можно по-разному... А вообще-то сейчас ставят системы, чтобы по хлопку ладонями или кодовому слову. Так еще удобнее.

Пока она игралась со светом, включая то по одной лампе, то целыми гроздьями, я проверил таймер на кофеварке, пока тоже без сбоев, и взял в руки нож и вилку.

Лопала она с аппетитом, глаз не отрывала от роскошного экрана. Блурейки в России только начали появляться, стоят дорого, фильмов на них почти нет, а что есть, то на английском, но зато какое изображение, она с зачарованным видом даже промахивалась ложкой мимо рта.

– Здорово, – прошептала она наконец, – просто чудо... ты прям олигарх!

Я засмеялся.

– У меня нет ни яхт, ни самолетов, ни даже дачи. А квартира такая потому, что сам налаживаю эти системы. Тебе какой кофе?

– А что, можно разный?

Я сказал гордо:

– Мой автомат держит в памяти двести рецептов!

– Ого! Все перепробовал?

Я удивился:

– Женщина я, что ли? Мне и одного хватает.

Она расхохоталась, показывая молоденький ротик с розовым язычком и белыми нестерпыми зубками.

После кофе я потащил ее в постель, все-таки там удобнее, чем на кухне или на канцелярском столе, я не любитель даже скромного экстрима. Она трудилась вовсю, прилежная, как школьница, стараясь уловить все мои желания, потому оргазма достигла на полминуты раньше меня. Может быть, даже не притворилась.

– Хорошо у тебя, – сказала она, приводя в порядок дыхание. – Твои сегодня не приедут?

Я не стал говорить, что неженат, а то размечтается, ответил коротко:

– Нет. Хочешь остаться?

– Если можно...

– Позвони родителям, – сказал я.

Она отмахнулась:

– Да это не обязательно. Они у меня продвинутые.

– Все равно позвони, – сказал я строго. – Вот такой я старорежимный.

Она вздохнула, затем с недовольной гримаской послушно вытащила мобильник:

– Мама, привет!.. Это я, Лисенок... Да, все в порядке. Мама, я заночую сегодня здесь... Ну, не дома, мама!.. Да нет, я в тот гадюшник больше не пойду!.. Ладно, хорошо. Пока, целую.

Она вздохнула, но тут же лучезарная улыбка согнала морщинку со лба. Улыбнулась мне с видом: что, съел? Не удалось от меня сразу избавиться, мама разрешила!

– Что она сказала? – спросил я.

– Только не пей, – ответила она послушно, как ученица, – и не кури.

– В постели?

– Нет, вообще, – объяснила она. – Мама считает, что курить вредно.

– Действительно, продвинутая у тебя мама, – проговорил я. – Ну ладно, а теперь что-то ты забыла про свою отпадную родинку. Давай показывай.

Она расхохоталась.

– Еще не рассмотрел?

– Мужчины к мелочам не присматриваются.

– Ну тогда смотри. Правда, классная?

– Ну, – протянул я, – вообще-то... на таком месте, конечно... А губки бантиком у тебя как из лучшего косметического салона.

– Хирурги ни при чем, – заверила она гордо. – Это я сама такая замечательная!

...она заснула в моих объятиях, совсем еще ребенок, даже сиськи не отросли как следует, а уже это самое «раскованная и незакомплексованная». Я еще застал старое доброе время, когда девчонкам кричали: «Покажи сиськи!», но показывали только самые раскованные, а были и такие, что стеснялись. Теперь вот: «Покажи вагину». И показывают. По-моему, уже все, кранты. Дальше идти некуда.

В смысле, человекам идти дальше некуда. А если искать удовольствия и даже наслаждение в науке, искусстве, исследованиях – то это уже область зачеловека...

С этой оптимистической мыслью, уж я точно им стану, а остальные пусть идут лесом, заснул мирно и спокойно.

Я высадил Лисенка утром по дороге на работу и забыл о ней раньше, чем закрыл за ней дверцу. Мысль пошла разворачиваться с момента, на котором я злобно оборвал ее вчера, когда выключил комп и поднял зад из мягкого кресла.

Хотя, конечно, она пыталась прорываться весь вечер, даже в такие моменты, когда рассматривал ту в самом деле прикольную родинку, но я душил и загонял вглубь, так надо, чтобы не перегореть. А сейчас поглядывал на красный свет и перебегающих дорогу пешеходов и напоминал себе, что в баймы приходит все больше... не игроков, это надо учитывать. Если первые баймы были даже не баймы, а сетевухи, где на выбранных картах сражаются игроки, потом пошли настоящие баймы, но все еще ориентированные на игроков, то есть неважно, что там за карта, важно успеть замочить противника раньше, чем замочит тебя. Для этого до предела убрали все красоты в пользу скорости, этим игрокам все равно, какой там перс, важно успеть первым увидеть и первым застрелить оппонента.

Потом баймы делались все лучше, навороченнее, однако у массового баймера машины слабые, потому так до сих пор и популярен непримотливый Мир Варкрафта. Баймер все так же отключает антиалястинг и любую детализацию, лучше уж пусть картинка невзрачная, чем погибать из-за лагов... и похоже, девелоперы никак не соберутся ориентироваться на игрока с хорошими машинами.

Нет, ориентируются, но как-то странно: миры создаются все обширнее, детализированнее, но над персами работают какие-то криворукие и пьяные дворники из Жабокрякина. Во-первых, раз уж, дескать, все нацелено на убийство, то не фиг стараться делать перса красивым. Мужчина по-любому красив. Ну, а женщины... хотя если женщины играют в эти баймы, то они должны в первую очередь стрелять, рубить и колоть гадов, а не думать о фигурах!

Таким образом, дикая ситуация: даже заброшенные уголки, куда никто и не заглядывает, вытютюливаются с великой тщательностью, каждый кустик и камешек хороши, а сам перс, с которого байма начинается и которым заканчивается, который все время перед глазами... его вытютюливать не надо!

Мало того, что эти персы практически всегда безобразны (исключение – Линейка), но еще и всегда тупо нацелены только вперед, то есть игрок постоянно видит его только со спины! Никогда – даже сбоку, а посмотреть в лицо – вообще не предусмотрено. Опять же, приятное исключение Линейка, но и там то ли было некое озарение, то ли случайно так угадали, потому что игры выходили после нее с прежними тупо повернутыми персонажами и даже ухитрялись получать высшие призы! К примеру, в этом году байма «LotR» получила титул лучшей игры года, а в номинации на титул лучшей фэнтезийной игры заняла второе место, однако и в ней всегда смотришь только в спину героя.

То же самое с Вангардом, которую называли «первой баймой третьего поколения». Тоже смотришь в спину, героя не видишь, да там и смотреть не на что, все скины невзрачны и неряшливы. Вот монстров вырисовали с любовью, это да, этого у художников не отнимешь...

Сзади раздраженно бибили, что, значит, уже сотую секунды назад загорелся зеленый свет, а я еще не рванул вперед. Мысли вспорхнули, испуганные, как воробьи на дороге, и рассеялись.

...На прошлой неделе мы сдали крупный заказ, получили деньги и, расплатившись с банком, собрались, чтобы определиться, насколько приблизились к созданию собственной баймы, наконец-то клиентской. Конечно же, убийцы всех остальных, как существующих, так и находящихся в стадии разработки.

Если выполнять отдельные заказы других разработчиков, хоть и по мелочи, можно жить безбедно. Взяться за браузерную – наверняка потянем, уже делали для других компаний, но клиентская – другое дело...

Они расположились у меня в кабинете, весь костяк фирмы, с которыми начинали: Тимур Косарь, Тарас Гулько, Андрей Скопа, Роман Рябинин, Василий Петрович, вкусно пахнет кофе и свежеподжаренными хлебцами, которые Алёна то и дело вытаскивает из тостера.

Она единственная заметила женский портрет на моем столе, всмотрелась по-женски цепко и внимательно.

– Красивая... – сказала она оценивающе. – Кто это? Актриса?

Я запнулся, во взгляде Алёны нечто похожее на ревность, но не за себя, это я понимаю, женщины тоже охраняют свои владения, даже общие, от чужих. На меня могут претендовать женщины из нашего коллектива, но не чужачки.

– Юрист, – ответил я, помедлив. – Грозилась нам иск впасть.

Она оживилась, сказала почти весело:

– Вот сучка!... Да, слышала, из-за каких-то гадов пришлось менять систему начисления экспы. Ты прав, шеф, такие должны быть перед глазами. Как напоминание, что у нас везде подводные камни. И всякие хищники!

Тимур с чашкой кофе в ладони и подрумяненной пластинкой хлеба говорил в сторонке с жаром африканского самума:

– Хочу напомнить, что существует две категории игроков. Люди работающие и бездельничающие! Разделяю не по формальному признаку: работающие, то есть служащие какой-либо организации, могут быть еще какими бездельниками! Я разделяю на тех, кто думает о своей работе и кто выполняет ее спустя рукава, думая о чем-то другом.

Роман кротко вздохнул:

– Ну вот, еще одна классификация...

Тимур огрызнулся:

– Не перебивай, а то забуду. Я поработал с данными об игроках на мировых серверах. В тех баймах, где есть отдельные сервера ПвП и ПвЕ, раньше преимущество было за ПвП, потом количество игроков там и там сравнялось, теперь соотношение уже один к двум в пользу ПвЕ. На ПвП кипят страсти, там клановые войны, захваты замков, убийства из-за угла, отряды мародеров, наемные убийцы... там игрок получает такой адреналин!... Словом, там могут играть только полнейшие бездельники, ничем другим не занятые.

Гулько проворчал недовольно:

– Я играл на ПвП. И что?

– Бездельник, – безапелляционно заявил Тимур. – Надо накатать на тебя докладную. Не используешь потенциал на работе полностью. И нагрузить тебя надо больше, чтоб думал о работе, а не о том, как отомстить гаду, убившему тебя вчера трижды...

– Раньше, – уточнил педантичный Роман, – это когда?

– На заре, – ответил Тимур недовольно, – все онлайн-овые были вообще только ПвП. Ну, возьми контрстрайк или полужизнь! Потом появились ПвЕ, начали набирать популярность...

– С какой скоростью?

Тимур не успел ответить, его перебил Скопа:

– Со скоростью старения. Не понял?

– Не понял, – ответил Тимур честно. – Старения оборудования? Программ?

– Старения игроков, дубина, – пояснил Скопа брезгливо. – Мальчишки все лезут в ПвП.

А первыми игроками были только мальчишки...

– Почти все, – уточнил Тимур снова.

– Ну почти все, – согласился Скопа. – Самые одухотворенные, так сказать, предпочитают по травке гулять... Не любят, значит, когда их бьют. С возрастом таких становится все больше. Кроме того, и драчуны взрослеют, теряют интерес к дракам и разборкам. Понял? Вот с этой же скоростью растет и кривая роста ПвЕ.

Я постучал по столу.

– Да, это верно, все бизнесмены и предприниматели, заходя в байму, предпочитают ПвЕ. Чтобы не слишком отвлекаться и чтобы можно было оставить на пару дней, не думая постоянно о том, верно заметил Тимур, как отомстить гаду, как захватить замок, как подчинить виверну... Но много ли бизнесменов?

Роман вставил быстро:

– Их немного, но хватает к ним приравненных! Людей, которые не хотят влезать в игру слишком уж с головой. Которые хотят вспоминать об игровом мире только тогда, когда входят в игру. А не так, чтобы даже снилось!

Тимур задумался, пробормотал озабоченно:

– Тогда надо ориентироваться больше на ПвЕ...

Скопа сказал злорадно:

– Так и я о чем?

Роман уточнил с привычной педантичностью:

– У нас и есть ПвЕ, хоть и с элементами ПвП. И отдельными областями, заточенными под ПвП. Хотя, конечно, можем их чуть сократить...

Гулько сказал презрительно:

– Трудность в том, что никому еще не удастся просчитать, будет ли расти число бездельников или число очень даже занятых. С одной стороны – механизация и автоматизация высвобождает много рук и даже голов, с другой – растет лавина информации, нужно учиться вдесятеро больше, чем совсем недавно.

Я заметил с тяжелым вздохом:

– В принципе любую игру можно сделать из ПвП нормальной ПвЕ.

Он спросил недоверчиво:

– Так что мешает?

Я вздохнул, развел руками:

– Спрос.

– В каком смысле?

– Игра должна быть интересной, – ответил за меня Скопа вежливо и посмотрел на Тимура с сомнением, понимает ли тот такую сложную мысль. – Игра должна быть такой, чтобы в нее играли. Это доступно? Можно, к примеру, и Линеяку, и Гильдевые Войны перевести в ПвЕ. То есть отключить схватки игроков или же ограничить их дуэлями «по согласию». Нет согласия – нет и дуэли.

Тимур сказал победно:

– Так я это и говорил! Любая игра и есть хоть ПвП, хоть ПвЕ!

Скопа вздохнул и смолчал, а потом отвернулся к компу. Роман, как самый вежливый, проговорил деликатно:

– Тимур, вот ты все про Дьябло рассказывал...

– О да, – сказал Тимур, сразу оживляясь, – Дьябло – вещь!

– А ты смог бы играть в Дьябло год? – спросил Роман тем же мягким интеллигентным голосом. – Все мы когда-то играли в Дьябло. Не помню, за пару недель я ее прошел или за месяц, но понимаю, что это был предел... Только бить мобов и собирать лут, бить мобов и собирать лут, бить мобов и переодеваться в выпавший лут... Год никто так делать не станет, а онлайн-овые рассчитываются не на один год жизни в том мире!

Тимур спросил с подозрением:

– Это к чему такое?

– К тому, что, если перевести хоть Линейку, хоть Гильдевые Войны, хоть Конана – в ПвЕ, будет бесконечный Дьябло. Интерес пропадет после одного-двух месяцев. А то и раньше, теперь игрок избалован. Чтобы в ПвЕ играли, помимо однообразного избивания мобов и нудного повышения левла, нужно что-то еще, очень интересное и захватывающее...

Тимур молчал, враждебно поблескивая глазами.

– И что, – буркнул он нехотя, – есть?

– Увы, – ответил Роман все так же с ангельским терпением и вежливостью. – ПвЕ делать намного труднее, чем ПвП.

– Почему?

Роман вздохнул, мне показалось, что и он начинает терять терпение.

– В ПвП игроки сами создают и динамизм, и напряжение, и накал страстей. Это и понятно: у живого человека намного шире спектр реакций, чем даже у самого проработанного НПСа. Грубо говоря, для игры в поджанре ПвП достаточно сделать красивый и огромный мир, а страстями и сюжетами заполняют сами игроки. Сразу пойдут бесконечные драки, убийства, потом начнут сбиваться в стайки, нападать сообща, создадут кланы, гильдии, у всех будет строгий Устав, Правила Приема в клан и поведения в клане, игре... А там рукой подать до клановых стычек, объявления войны, захвата замков, нападения на караваны...

Скопа прислушался, вставил:

– Любой, кто приходит с ПвП на ПвЕ, жалуется, что на ПвЕ скучно. Нет накала!

– Но и возвращаться не хочет, – возразил Тимур.

– Некоторые возвращаются, – сказал Скопа.

– Некоторые, – согласился Роман. – Но большинство остается. На ПвП, говорят, устали сливать проценты, терять в дропе доспехи и оружие... да и вообще там нервы горят так, что забываешь о реале. А это значит, что студенты проваливают экзамены, служащие опаздывают на работу, невыспавшиеся рабочие не успевают отдернуть пальцы из-под пилы или молотка...

– Можно сделать, чтобы не теряли проценты, – предложил Тимур. – К примеру, только небольшой ремонт поврежденных доспехов.

– То есть у победителя доспехи совсем-совсем не повреждаются?

Тимур замаялся, потом махнул рукой.

– Ну и что? Какие только условности не принимаем в игре! Ты вон орком играешь...

– Уже не играю, – серьезно сказал Роман. Подумав, добавил солидно: – Вырос.

Я слушал-слушал, отмахнулся:

– Вам бы только коммунизм строить!.. Прекрасно понимаете, что на переправе коней не меняют. Если будем вносить и вносить изменения, наверняка затянем настолько...

– Все опаздывают, – вставил Тимур живо.

– У нас нет подушки безопасности, – огрызнулся я. – Вам хорошо, творческие личности. А я голову ломаю, как наскрести денег на зарплату в следующем месяце...

Василий Петрович погладил бороду жестом пророка, что готовится объявить миру новые заповеди, и спросил с недоумевающим видом:

– Ну так как... Делаем два сервера: ПвП и ПвЕ?

Тимур отмахнулся:

– Это само собой. Но дело в том, что все же сервера ПвЕ обычно смотрятся жалко на фоне ПвП.

– Но ведь деловые и занятые приходят только для того, чтобы посмотреть на игру?

– Да, – ответил Тимур, – конечно. Но нам хочется, чтобы они в ней остались. Но... без того, чтобы думали о ней и ночью. Иначе обозлятся и уйдут совсем. Никто не хочет, чтобы виртуальная жизнь вредила реалу. Понимаете, нужно дать очень насыщенный мир, чтобы и без ПвП было очень интересно, увлекательно и чтобы хотелось приходить туда еще и еще.

Алёна поставила передо мной чашку с горячим кофе, улыбнулась, перехватив мой взгляд на ее округлости, что сверкнули молочно-белой кожей на загорелом теле.

Я принял из ее рук горячий хлебец, наши руки встретились, мне показалось, что кончики ее пальцев горячее, чем только что вытасканные из тостера хрустящие ломтики хлеба.

– Можно сделать ПвП, – сказал я, – как уже есть в некоторых, когда ПвП идет по правилам. Ну там нельзя нападать на низкоуровневого, а то и вовсе разрешить только по обоюдному согласию...

Роман сказал непонимающе:

– Но как это... ПвП только по обоюдному согласию? Это неинтересно!

Тарас Гулько подал голос:

– А интересно, когда на тебя со спины нападет ублюдок втрое сильнее и убьет ни за что ни про что? Только чтобы потешиться?

Роман буркнул:

– Он станет пэкашником, такие вне закона. На него смогут охотиться все, кто захочет, без риска стать убийцей!

Я покачал головой:

– Это мы уже проходили. Во-первых, ничего не стоит отмыться, минут десять поохотившись на мобов. Ну, пусть полчаса. Во-вторых, это только на очень многолюдных серверах пэкашника легко заловят. А если онлайн несколько десятков? В огромном же мире месяцами будет бегать по локациям, никого не встречая. Так что легко пэкашить и отмыываться, пэкашить и отмыываться.

Тимур покачал головой и сказал с осуждением:

– Все равно плохо. Без пэкашников.

– Почему? – спросил я.

– Нереалистично.

– В чем?

– А как в реале? – напомнил он. – Убийца бежит еще долго, пока поймают. И то если поймают. И еще не одного человека маньяк замочит, прежде чем сам сдохнет или его наконец-то арестуют.

– Это в реале, – согласился я. – А кто сказал, что мы должны копировать реал? Те писатели, что стараются писать «правильно», то есть поближе к действительности, самые незаметные и самые неинтересные существа. Настоящие писатели... и не только они, должны создавать миры, в которых людям захочется побывать, а если миры очень удачные, то и пожить!

Он задумался, хмыкнул:

– Ну не знаю, не знаю. Мир без ПК обеднеет.

– И реальный мир без убийц обеднеет, – согласился я. – Но почему-то все на это готовы. И еще людям почему-то не хочется попадать в автомобильные катастрофы, хотя на чужие смот-

рят по видео с огромным удовольствием. И кино с авариями смотреть любим. Но для себя хотим только безоблачной радости...

– Ну ладно, ладно! Не надо это ля-ля. Если без пэкашников, что вообще-то вроде перчика в пресном блюде, то чем ты можешь заманить в игру новых людей?

– Еще не знаю, – признался я. – Думаю.

Гулько прогрохотал могучим голосом, что как нельзя соответствует его фигуре:

– Мне очень не нравится, что никак не сойдем с наезженной колеи! Не только мы, а вся индустрия. Сперва игры делались простейшие догонялки-хваталки, верно? И даже сейчас, когда изумительная графика и невероятные для прошлых времен мощности компов, они остаются в основном этими самыми догонялками-хваталками-рубилками.

Тимур спросил ревниво, не любит, когда перехватывают инициативу:

– Почему так решил?

– Это не я решил, – ответил Гулько кротно. – Со времен первых простейших игр прошло ничтожно малое время. Старшее поколение, например, их не понимает, не принимает и, понятно, не играет. Оно вообще компьютеров боится!.. Тут надо, чтобы нынешние геймеры постарели или хотя бы повзрослели, чтобы их перестали удовлетворять простейшие рубилки, пусть и реализованные с применением всех наворотов графики.

Василий Петрович сказал веско:

– Ну что вы говорите, юноша? Существует же в новейших играх харвест, крафтинг... можно покупать и обустривать дома...

Гулько сказал вежливо:

– Простите, Василий Петрович, но это делается, чтобы привлечь в игру девочек вроде нашей Алёны. А вот для взрослых рубилово-догонялово – уже прошлый день.

– Взрослые не играют, – напомнил Василий Петрович, – вы сами это сказали.

– Но повзрослеют нынешние, – ответил Гулько серьезно. – Они захотят чего-то большего.

Тимур сказал раздраженно:

– Чего можно желать от игр большего? Чего вообще может желать человечество, если у него на уме только война и секс?

Алёна тихонько вытащила у меня из-под руки пустую чашку и тут же придвинула полную. Я взял из ее пальцев горячий хрустящий хлебец с румяной корочкой, а она проследила, улыбаясь, загляну ли снова в декольте. Я заглянул, мне не трудно, а ей приятно.

– Тимур прав, – сказал я. – Только переставьте местами: секс и война. С войнами боремся, они уже вне правил и законов, а вот роль секса все растет просто не знаю какими темпами. Скоро в президенты будут по принципу, чем больше трахается – тем президентней. Уже и перверсии всякие разрешены. Даже запрещено считать их перверсиями...

Гулько прорычал недовольно:

– Я – пас!

Тимур спросил в недоумении:

– В чем?

– Если собираетесь, – сказал он голосом, подобным грому, – в духе времени заниматься какими-то извращениями, я лучше выхожу из баймы! Я вполне нормальный здоровый мужик с нормальными инстинктами! И меня не тянет ни на гомосексов, ни на скотоложество, ни на всякое другое, чем заполнен Интернет...

– Но от баб не отказываешься? – спросил Тимур ехидно.

– От бабс, – сказал он гордо, – никогда!

– Слава богу, – сказал Тимур с облегчением, – а то я уж подумал, в асексуалы подался.

– А что это? – спросил Гулько с подозрением.

– Не бери в голову, – успокоил Василий Петрович. – Это тоже нормальные мужики, но когда вокруг столько пива, футбола, экстрима концертов и даже байм, то на фиг еще какие-то капризные бабы и вообще секс?

– Нет, – сказал Гулько твердо. – От бабс – ни за что.

– Тогда ты с нами, – сказал Тимур.

Гулько спросил с подозрением:

– А вы точно... никаких отклонений?

Я поморщился, серьезный разговор быстро переходит в треп, что-то слишком рано устают, кофе уже не срабатывает, нужно таблетки алертека всем раздать.

– Какие еще отклонения, – сказал я с досадой. – Такие примерные, что самим противно. В вопросах секса мы на позициях наших отцов, даже дедов. С другой стороны – настоящие мужчины должны делом заниматься, а не бабами.

Алёна сложила на большую тарелку горку сдобного печенья, хлебцев на всех не хватает, сказала просительно:

– Можно мне вякнуть? Спасибо. Мне кажется, нужно систему бонусов ввести обязательно. Скажем, кто побаймил год – выдавать большие пряники!.. Например, единорога, который будет летать по воздуху. И очень быстро. Чтоб как бесплатный телепортер.

Тимур фыркнул:

– Год? Да кто в игре столько удержится, если контент исчерпают за полгода? А то и раньше?

– Тогда через полгода, – сказала она быстро. – Чтоб, значит, как только решил, что все пройдено, больше делать нечего, а тут – пряник... А через каждый месяц выдавать еще по прянику, хоть и поменьше. Ну там титулы, что ничего не дают, кроме как возможность бесплатно менять прически, цвет одежды... Человеку всегда хочется выделиться из толпы, так пусть старожилы отличаются фасоном одежды.

– Как лорды от простолюдинов?

– И даже от простых рыцарей, – уточнила она. – Почему не раздавать им титулы виконтов, баронов, графов, герцогов?.. Баланс не нарушит, а это главное. Вообще не повлияет, а тщеславие потешит! И заодно удержит тех, кто уже хотел бы покинуть байму.

– Титулы – это неплохо, – проворчал Гулько, – а то сотни, а потом и тысячи летающих единорогов... это ж такая нагрузка на движок! Сервер рухнет. Да и не все машины потребителей потянут.

– А можно проще, – сказал Тимур. – Сел на единорога, указал место и – телепортнулся. А так на единороге едешь, как на простом коне. Только форса больше.

Повернулись ко мне, я уже успел перебрать все варианты, махнул рукой.

– Налегайте, – сказал я, – больше на форс, баланс такое не нарушит. Старожилы должны выгодно отличаться. И чем старожилее, тем отличий больше. И привилегий. Ну, скажем, никто ниже баронов не может въезжать в город на конях. Все в городских воротах ссаживаются принудительно, а старожилы гордо въезжают на маунтах.

Гулько подхватил:

– А начиная с графа... а то и герцога, можно на коня подхватывать красотку и возить с собой.

– Это дополнительная анимация, – возразил Роман. – Лучше уж просто въезд на конях через городские ворота. Тут ничего менять не надо.

Глава 9

Василий Петрович с другом-писателем смущенно умолкли при моем появлении. Арнольд Изяславич даже сгорбился, словно застеснялся, что обедает на рабочем месте, зато Василий Петрович сидит на краю стола, болтая ногой, лопает свою полезную пищу и запивает козьим молоком, в котором чего-то больше, чем в коровьем.

Я бросил жалостливый взгляд на Арнольда Изяславича. Литературу добьют окончательно не кино, не порнуха, не шоу «Я тоже debil!», против которых все умники так выступают, а баймы, на которые он работает, сам копая себе могилу. Сейчас их почти не видно, во всяком случае, для массового человека. Массовый пока даже к компам относится с недоверием, в инет заходит с опаской, а про компьютерные игры услышал совсем недавно.

Под компьютерными играми народ понимает только синглы. Они занимают почти весь рынок подобных развлечений, и только они, по сути, известны простому человеку. Сами по себе баймы, что в старину назывались massive (massively) multiplayer online role-playing game, а у нас – массовыми многопользовательскими онлайн-ролевыми играми, хотя большинство сперва предпочитало языколомную аббревиатуру MMORPG, пока не пришло более точное, хоть и сленговое словцо «баймы», только-только появились в этом мире... если судить даже по темпам хай-тека вообще, но растут стремительно и аддикция к ним у человека намного выше, чем у синглов.

Это сейчас еще не бьют тревоги... Впрочем, бьют, но лишь по отдельным случаям, а вообще-то в близком будущем, когда народ всерьез подсядет на баймы массово, это станет общенациональной, а потом и мировой проблемой.

Статистика уже отметила, что чем выше интеллект человека, тем меньше он смотрит телевизор, а больше торчит за компом. Те, у кого интеллект выше некой величины, жвачник почти не включают, ну разве что когда приходят гости, а в остальное время самозабвенно прыгают по волнам инета. Да и то если гости – родня или настырные бывшие одноклассники, которых приходится терпеть. Своим же можно показать либо насколько прокачал своего перса, либо какую локацию отыскал, либо с какими клевыми эльфийками из Мельбурна познакомился, пока искали проход в Долину Смерти к рейдовому боссу.

Мозг быстро приспосабливается к повышенным нагрузкам и объемам информации. Когда не было ни кино, ни компов, люди вполне довольствовались буквами на бумаге, складывая из них слова, из слов – предложения, а из предложений – образы, картинки, локации, персов и мобов. Сейчас же взгляд сразу хватает яркую, цветную и очень детализированную картинку, на описание которой понадобилось бы не только много букв, слов, но даже страниц убоистого текста.

Не любитель подчиняться и ходить строем, я в первой же онлайн-игре сперва бегал один и дрался с мобами, а потом, когда достали предложениями войти в их клан, взял и создал свой. Сперва все так же бегал один, потом ко мне начали прибиваться всякие нубы: все-таки я иногда защищал или от щедрот делился какой-нибудь для меня ерундой, а для них это казалось важным.

И когда клан разросся, я ощутил, что сотворил дурость. Кому-то ндравится быть этим самым лидером, но сколько же жожаку приходится выслушивать упреков, подозрений, настоятельных требований! Я оказался должен всех одевать и вооружать, хотя тех налогов, что платили в клан, хватило бы только на семечки, но все почему-то уверены, что я ворую народное имущество.

В конце концов я плюнул и вышел из клана, хотя для этого пришлось распустить сам клан, так как передача власти не предусмотрена. Но вот теперь в реале попал в тот же заколдованный круг, создал фирму, тащу на себе, а слышу только упреки в мании величия, в жажде

покомандовать, в прикарманивании денег, которые заработали сообща... да что там сообща: они заработали, а я и рядом не проходил.

Но что делать, я бы тоже так бунтовал, будь шефом кто-то другой. Такова наша сволочная натура. Все виноваты, кроме нас самих.

К Василию Петровичу с распечаткой рисунков подошел бочком, как краб, Тимур. Лицо безгливое, как у верблюда, что набрал полный рот слюны, но еще не выбрал, на кого плюнуть.

– Ну, Василий Петрович, – заговорил он, – ну когда мы кончим с этой одной глупостью? Раньше на нее старались не обращать внимания, а теперь раздражает. Я о том, что реки и болота переплываем, а выходим сухими.

Василий Петрович развел руками:

– Да, я тоже начал подумывать. Визуально можно сделать мокрую одежду. И чтоб вода стекала некоторое время. Насчет обвисания не обещаю, железо не потянет...

– И то хлеб, – сказал Тимур, но голос оставался безгловым.

– И движения замедлить, – добавил Василий Петрович. – На некоторое время.

Арнольд Изяславич сказал робко:

– Тогда пересмотрите и доспехи... Я хоть не играю, но когда вижу, как реку переплывают с одинаковой скоростью... хотя один в тряпках, а другой в тяжеленном панцире...

Тимур зло хохотнул:

– А если панцирь забыл снять, то чтоб как Ермак.

– А если раненый, – сказал Арнольд Изяславич, счастливый, что с ним общаются, как с членом команды, – то как Василий Иванович!.. Кстати, Василий Петрович, вы что-то решили насчет своих бронебойных стрел?

– Бронебойных?

– Или с внеатомной связью, – сказал Арнольд Изяславич торопливо. – Я видел, как чудовище спряталось за деревом, а наш уважаемый Тимур Чингизович расстрелял его прямо через толстенный ствол в три обхвата. Я даже не знаю, правильно ли это?

– Это не ко мне, – ответил Василий Петрович ехидно. – Тимур Чингизханович... как бы сказать мягко... не просто помнит о своем читерском прошлом. Иногда он... даже слишком хорошо помнит.

Самая приятная часть нашей работы, когда заходим в баймы конкурентов, а конкуренты у нас все как флешники и браузерники, так и клиентники. Играем, проверяем все локации, ревниво сравниваем их находки и прикидываем, в чем можно переплюнуть или сделать лучше.

Тимур и Тарас Гулько с утра с жаром обсуждают, как завтра в воскресенье организуют большую партию для рейд-босса легендарика. Танк и дамагер уже есть, даже два дамагера, но хилер только один, да и тот средний. Нужно не меньше двух, а то и трех, если среднелевельные. Или два хая.

Алёна услышала и начала проситься в группу. Ей вежливо отказали, лучников не очень любят в партиях, из-за чего те обычно сольничают. Да и мало кому нравится, когда все в рубке, жизнями рискуют, а лучник постреливает издалека, да и то изредка. Удары его не настолько сильны, чтобы моб переагрился, это слабые хилеры всегда в опасности, да визарды часто гибнут из-за тряпочных доспехов.

Алёна подумала и выдала секрет: уже давно прокачивает твинка-хилера, сорок девятый левл, скоро вторую профу получит, палка хорошая, доспехи апгрейжены... Мягкий Тарас сдался первым и согласился проверить в пати. Правда, поспешил уточнить, что если не понравится, то без обид: группа должна быть сплоченной, не рыбку удить идут, супербосса валить – ошибки должны быть исключены...

Она клялась и божилась, что будет подчиняться и выполнять в точности. Я слушал краем уха, в самом деле все больше народа начинает понимать, что намного интереснее путешество-

вать по местам сказочной красоты, сидя в кресле, чем в реале тащиться в какой-нибудь зачуханный Тунис, Кипр или в Египет, как дикари какие-то из времен, когда не было даже фотоаппаратов.

Я слышал, что есть люди, которые идут в онлайн-квесты, чтобы получать удовольствия от выполнения квестов, от общения, от отдыха в этом замечательном виртуальном мире...

Я даже видел таких людей, они всегда красиво говорят о своем видении существования и времяпрепровождения в этом мире. Говорят хорошо, я, конечно, делал вид, что верю. Будь новичком, я бы в самом деле поверил. Все логично, все правильно. Баймы и делают так, чтобы получать удовольствие от квестов, от харвеста, от богатого и разветвленного крафта. А также от путешествий по огромному миру, от общения, от красивых костюмов, доспехов, оружия, от покупки коней, единорогов, бегающих и даже летающих драконов, проще говоря – маунтов.

Однако я баймлю не первый год и вижу, как все поголовно качают своих персов, не глядя на красоты окружающего мира. Квесты выполняют только потому, что те дают, кроме вещей и денег, еще и экспу, а если бы только деньги, то некоторые особо продвинутые предпочитали бы покупать виртуальные за реальные, одеваться в пределах левла в самое крутое и – кач, кач, кач!

Кач до тех пор, пока из ушей не полезет. Большинство останавливается только в момент, когда упирает в потолок. А так кач, кач и кач. Ну не может человек с нубским уровнем смотреть на хая и чувствовать себя достаточно счастливым! Нет, он, конечно, счастлив, но еще больше будет счастлив, когда сам станет хаем и на мелочь будет поглядывать со снисходительной усмешкой.

Это в самой природе человека: соревнование, соревновательность, конкуренция. Уже потому, что в жизни у хая всегда всего больше и лучше: денег, власти, влияния, женщин. Только в реале не все так уж доступно, а в виртуале нужно всего лишь взять себя в кулак и не путешествовать по необъятному фэнтезийному миру, а качать и качать созданного тобой перса, что всего лишь аватара тебя же самого.

Из маминой Барбоски получился бы прекрасный журналист. Всякий раз, когда она сваливает для стирки белье в кучу, Барбоска несется туда очень заинтересованная. Ее отпихивают, но она норовит успеть порыться, нос возбужденно дергается, а глаза горят настоящим азартом работника СМИ. Даже когда стиральная машина работает, Барбоска стоит перед иллюминатором и внимательно наблюдает за процессом.

Чистое белье ее не интересует, как и всякого журналиста, а вот с запашком...

Я вошел в главную комнату, охнул: в центре огромного стола, покрытого белоснежной скатертью, роскошный букет цветов, ряд бутылок с шампанским и коллекционными коньяками, а по краям красивое ожерелье из множества дорогих тарелок.

– Мама!.. Это же сколько народу вальнет?

Она сказала с укором, но сияя:

– Володя, что за слова?.. Это твои друзья! Придут тебя поздравить!

– Ну да, – сказал я обвиняюще, – что-то их в прошлом году не было. А в позапрошлом так и вообще...

Все еще с сияющим от счастья лицом, она сказала довольно:

– Но ты доказал, что мужчина, а не просто чудаковатый, помешанный на игрушках. У тебя свое дело!

– Ах да, – пробормотал я. – Теперь эта черта должна доминировать в человеке. Все забываю, что мир меняется все быстрее. Какой же я старый...

– Не совсем, – ответила она, засияв еще больше, – но жениться пора, пора!

– Кто придет?

Она начала перечислять, загибая пальцы, мужчин просто упомянула, женщинам уделила внимания больше, пропустив замужнюю Евгению, а Клару и Нинель расписала очень подробно.

– А где Валентина? – спросил я. – Вы всегда с нею шушукались.

Мама ответила, как мне показалось, с некоторым злорадством:

– Спыхватился? Поздно. Уже увезли.

– Куда? – спросил я.

– Лучше бы спросил, кто увез, – упрекнула она. – Младший менеджер какой-то газовой компании! Предложили место повыше в Алжире, он позвал с собой Валентину, быстро поженились, у нас дешевле, и поехали. Уже полгода там.

– Как быстро время летит, – сказал я равнодушно. – Значит, у меня выбор между Кларой и Нинель?

– Очень хорошие девушки, – строго сказала она. – Я же знаю, что тебе нужно!

– А как вэвэпэ поднять, – спросил я, – не знаешь? Странно... Все знают! И как с нефтяной иглы слезть. Еще сегодня меня будут учить, что херней занимаюсь.

Она поджала губы:

– Какие слова нехорошие употребляешь!.. Никто тебя теперь учить не будет. Раз на этой... этом деле зарабатываешь хорошие деньги, то всякий труд почетен.

Она с достоинством уплыла на кухню, а я отправился в кабинет убирать со стола все то, что не должно попадать на глаза посторонним. Не потому, что криминал, а чтоб не пояснять дилетантам, что это такое и что я с ним делаю.

Я не отмечаю дни рождения, но мама пользуется этими датами, чтобы держать меня на связи с «миром». Если для моего поколения мир – это все, до кого могу дотянуться в инете, то для нее только те, с кем пообщалась и перевела в разряд благополучных или благонамеренных, уж и не знаю.

Сегодня она приготовила роскошный стол, из гостей придут больше ее знакомые, чем мои, хотя всех их знаю по школе, институту или по встречам в микрорайоне. В позапрошлом году их было совсем мало, хотя мама старалась изо всех сил, но, оказывается, в сознании этих людей крепко отпечаталось, что на дни рождения стоит приходить только к успешным людям. Или к тем, кто идет вверх к успеху.

Потом начались звонки в прихожей, я выказал свой вялый интеллигентский протест тем, что отказался встречать гостей. Это охотно делала мама, но, когда входили в комнату, я уже улыбался, пожимал руки, женщинам подставлял щеки, только Клара сразу поцеловала в губы, то ли пометив для других свой участок, то ли из простого озорства.

С Кларой и Нинель мы учились в институте, Петра знаю еще со школы, а Денис что-то вроде приятеля по дому, хотя общаемся только во дворе, где ставим или забираем машины и просим друг друга чуть сдать вперед или назад. С девушками еще проще: они устанавливают связи по инету, а с самыми перспективными поддерживают в реале, наблюдая за их карьерой, иногда закрепляют гаснущую дружбу виртуозным сексом.

При взгляде на Клару я всегда почему-то вспоминаю дорогой спортивный автомобиль, блистающий хромовыми дисками, фарами и панорамными стеклами. На автовыставках возле таких выгибаются в красивых позах и с зазывающими улыбками соблазнительные девушки с идеальными фигурами.

И хотя Клара не опустится до участия в таких шоу, позиционирует себя не возле дорогих автомобилей, а внутри, но пока еще находится где-то посередине. Не желает, чтобы ее подбирали на улице проезжающие в этих самых кабриолетах, но пока не встретила парня с действительно дорогой машиной.

Мама, веселая и сияющая, раскинула руки и провозгласила:

– Прошу к столу! Все стынет!

Я в таких мероприятиях статист: бутылки открывают другие, на тарелки мне накладывают соседи по столу, я же только улыбаюсь и думаю, когда же это кончится, чтобы пойти к любимому компу...

Петр сразу же взял на себя руководство застольем, нравится руководить, хоть здесь оттянется, красиво и шумно откупорил шампанское: с хлопком, но без брызг, наполнил женщинам. Мне собрался налить коньяка, я покачал головой.

– Язва? – спросил он сочувствующе.

– Ага, – согласился я. – Почти прободение.

Женщины посмотрели на меня обеспокоенно, в их глазах я увидел, как меняется мой рейтинг, но, похоже, сравнили с моим цветущим видом, у язвенников морды другие, вернули все взад и даже малость повысили. Мужчина, у которого хватает решимости отказаться от рюмки коньяка, на две головы выше тех, кто не может, и на четыре – которые сами тянутся к рюмке.

Нинель проворковала, томно глядя мне в глаза:

– А шампанского плеснуть, Володя?

– Можно, – ответил я. – Если сладкое.

– Мужчины любят сухое, – сказала она медленно и сексуально.

– Они говорят, – поправил я, – что любят сухое вино и худых женщин. Говорить и я могу...

– Но не хочешь?

– Уже могу, – согласился я.

– Крепчаешь, – сказала она одобрительно. – Не хочешь после банкета поваляться в постели? Думаю, тебе надо разнообразить сексуальную жизнь.

Клара нахмурилась, Нинель нарушает женский кодекс: за мужчину можно соревноваться, но надо оставить за ним право выбора.

Петр поднялся и провозгласил:

– У всех налито? Первый тост: за именинника!.. Я рад, что Володя сделал рывок и организовал свое дело. Причем не по мелочи, а сразу с размахом! Я видел, какой у него офис и сколько сотрудников!

Клара спросила заинтересованно:

– А какая у него секретарша?

Петр хохотнул и потянулся ко мне с бокалом. Тонкое стекло нежно звенело, сталкиваясь над серединой стола. На короткое время образовалась красивая многолучевая звезда, даже некое колесо, где руки выполняют роль спиц, а наши соприкасающиеся плечами тела – массивный обод.

Нинель сделала вид, что наклоняет свой бокал, чтобы чуть-чуть плеснуть в мой, это считается интимом, улыбнулась, глядя на мое напряженное лицо.

– Не бойся, – сказала она тихонько, – я ничего не проливаю...

– Да, – пробормотал я, – мама постелила такую накрахмаленную простыню, порезаться можно.

Она хихикнула:

– Я не пачкаю простыни.

Я поперхнулся, поймав себя на том, что вместо «скатерть» сказал «простыня», вот что значит смотреть в это время на такую женщину. Нинель загадочно улыбалась, она умеет так сексуально кривить рот, глядя прямым и откровенным взглядом, что губы складываются в нечто невообразимо извращенно-изысканное. Даже не знаю, что ими может вытворять, могу только пытаться представить...

Я поймал ее понимающий взгляд, чуть было не покраснел, как мальчишка, словно она видит мои потаенные мысли.

– Я видела твой автомобиль, – сказала она, ослепительно улыбаясь. – Но почему внедорожник?

Я пожал плечами:

– Меня и старенькая «жигуляшка» устраивала. По городу что «опель-антара», что моя старушка ползут одинаково по-черепаши. Но мама просит иногда свозить на дачу, а туда только на бронетранспортере.

– «Антара» классно, – сказала она с одобрением. – На тебя сразу стали засматриваться.

– А мне это так важно, – поддакнул я.

– Конечно, – поддержала она. – Для мужчины лучший способ самоутвердиться – купить машину помощнее!

– Да-да, конечно, – согласился я. – И трахаться чаще. И дольше.

Она улыбнулась, поиграла бровями, а губы дразняще облизнула кончиком языка, чтобы он стал похож на возбужденный клитор. Вообще, когда показывают язык – это намек на клитор, но только у Нинель это выглядит так откровенно и в самом деле возбуждающе.

– Трахаться дольше и чаще, – сказала она со снисходительной усмешкой, – важно только для бедных. Они, кроме траха, ничего не умеют! Мы, женщины, умеем кое-что делать и сами, если очень захочется. А нам, если честно, хочется намного реже и не так страстно, как это в кино... Нам важнее, чтобы машина покруче и бумажник потолще...

Она засмеялась, мол, шутка, но оба мы понимаем, что в этой шутке нет даже доли шутки.

«Антара», мелькнула мысль, трехкомнатная квартира, но никто не знает, что богаче я не стал. Просто из одних кредитов влез в другие, из мелкой долговой ямы в ту, что поглубже...

Петр сказал громко, обращаясь к нашей половине стола:

– Володя! Я думал, что все хакеры – бандиты!.. Когда познакомился с тобой, понял, что не ошибался, ха-ха!.. Но время шло, тупые бандиты оказались за решеткой, а умные обзавелись своим бизнесом. Поздравляю тебя с благополучным началом!

Я улыбался и поднимал бокал навстречу. Петр опоздал, я уже из того поколения, когда слово «хакер» потеряло романтический ореол, которым дураки окружили его в первые годы Интернета. Сейчас хакер то же самое, что любой преступник, будь это мелкий карманник или специалист по взлому банковских сейфов. И мы, понятно, дистанцируемся от таких, хотя да, конечно, в свое время все мы в какой-то мере, гм, да...

Евгения о чем-то переговаривалась с моей мамой, я лишь на короткий миг перехватил ее взгляд. У нее лицо красивой, умной и спокойной женщины, а из-за ее умности во взгляде всегда присутствует чуточка печали. Она всегда такая, помню, на одной вечеринке ее страстно обхватил Денис и жадно целовал в шею, а Евгения смотрела через его плечо на меня, лицо у нее оставалось таким же спокойным, словно тело ее здесь, а сама она далеко-далеко.

Только она относится ко мне с дружеской теплотой, потому что давно и благополучно замужем, встреченных мужчин не рассматривает в качестве потенциальных мужей, хотя теперь и замужние стреляют глазками по сторонам в поисках более выгодного варианта.

Глава 10

Клара и Нинель выбрались из-за стола и красиво танцевали, умело изгибаясь, картинно хватаясь за низ живота и поглаживая, но все в ритме, в одно касание, так что все-таки зажигательный танец, зря мама смотрит с укором, просто новому времени новые танцы.

Денис подсел ко мне, мы выпили вдвоем, так почему-то принято, после чего он сказал покровительственно:

– Свое дело – это классно. Но все-таки разве на играх зарабатываешь? Сейчас на небо посмотреть некогда, а играть когда?

Я двинул плечами:

– Кто-то же находит.

Петр захватил с собой бутылку коньяка и тоже перешел на эту сторону стола.

– Выпьем?.. Ну ладно, а я пропущу еще чарочку... Эх, хорошо пошла... Вы все про игры? Денис прав, они отнимают слишком много времени. Я бросил их.

– Да ты их и не начинал, – уточнил Денис.

Петр кивнул, ничуть не смутившись.

– Да, не начинал даже. Купил как-то одну хваленую, даже инсталлировал, но потом как подумал, что на прохождение понадобится две недели... да и то если буду по пять часов в сутки, и подумал, неужели мне свободное время совсем уж девать некуда?

Я развел руками:

– Все вы правы, правы, правы. Я разве спорю?

Петр сказал уличающе:

– Но ты же играешь! И всегда играл.

– Играю, – согласился я.

– Значит, ты слабый, – сказал он с железобетонной категоричностью.

– Слабый, – согласился я с улыбкой. – Да, слабый.

Но смотрели на меня недоверчиво, я никогда не казался слабым. Всякой хреню занимался, по их мнению, но потому что дурак, а не потому что слабый.

– А как бы много ты сумел сделать, – сказал Петр обвиняюще, – если бы не играл!

– Ага, – поддержал и Денис. – Ты же сколько времени гроишь в этих онлайн-играх!

– По пять часов в сутки, – сказал Петр в тихом ужасе, – одуреть... не встать.

Я снова развел руками:

– Каждый выбирает для себя. Вы всегда были правильными ребятами! И родители вас ставили в пример. Если бы не играл, учился бы намного лучше, вообще бы был человеком, а так черт-те что...

Денис спросил с непониманием:

– Это к чему? Что игры труднее бросить, чем курево? Или завязать с выпивкой?

Я покачал головой:

– Не знаю насчет выпивки, никогда не страдал зависимостью. Как видите, могу пить, могу не пить. В одиночку еще никогда не пил. А насчет игр, а потом и байм, у меня уже есть опыт и, самое главное, собственная статистика.

– А это еще что?

– Я играл, – повторил я, – и не играл. Подолгу. Но работал – всегда. И потому могу сравнивать, сильно ли вредят игры работе.

Петр фыркнул:

– Это и так видно!

– Откуда? – спросил я кротно. – Ты же не играешь.

– Да зачем играть? Я не пью, но когда вижу вдрызг пьяных, то понимаю, что пить... не совсем хорошо.

Я кивнул:

– Разумно. Только с играми не все так просто.

– А в чем сложность?

– Когда бросаю играть, – объяснил я, – в самом деле работы делаю больше. За счет увеличения времени. Потом все снижается, снижается, и за восемь часов начинаю снова делать то, что делал за четыре. А потом и того меньше...

Денис сказал недоверчиво:

– Ну, это ты загнул! Я еще понимаю, как постепенно возвращаешься к прежнему темпу. Нельзя все восемь часов работать на взрыве, но чтоб еще меньше...

Я чувствовал безнадегу, их не переубедишь, сказал больше по инерции:

– Не хочешь верить – не верь. Но человек пока не машина. Если оставить одну работу – бросит ее вовсе. Даже если гениальный подвижник! Всем нужны какие-то стимулы. Ну там выпивка, наркотики, бабы, драка в ресторане, сходить на сторону, трахнуть подругу жены или жену друга...

Денис поморщился:

– Это понятно. Человек есть человек. Но игры при чем?

– Ты вон на той неделе ходил с компашкой в ресторан, – напомнил я. – До сих пор разбираетесь, кто затеял ссору, почему Тюрин отказался платить, почему жена Воронцова дуется на тебя, почему Лиза отлучалась в туалет, а вернулась через полчаса вся измятая и потная, и с какой стати Сергей всякий раз ухмыляется, когда смотрит на Веру и Василия. Уж молчу, что три дня от вас не было никакого толку, у всех головы болели, у Терехова поднялось давление, а у Петра какие-то странные пятна по всей морде...

Петр буркнул:

– Это жизнь. Зато есть что вспомнить.

– Баймы, – ответил я, – тоже жизнь. Но походы в ресторан – день вчерашний, а мир байм – сегодняшний. У меня новых эмоций не меньше, чем у вас после той гулянки! Адреналин из ушей плещет, но утром ни голова не болит, ни морда не побитая. А еще никто не смотрит с обидой, что по пьяни его жену щупал, думая, что никто не видит.

– Ну да, – сказал Петр саркастически, – там никто не даст по морде за то, что чужих жен щупаешь!

– Иногда дают, – сообщил я, – но виртуально, виртуально... И деньги мои остаются у меня, а не в ресторане. И печень не кричит в ужасе... Так что давайте останемся каждый при своих. Вы не пытаетесь оторвать меня от байм, тем более – не тащите в ресторан к бабам и цыганам, а я не буду убеждать посетить мир хай-тека. Каждому свое, ладно?

Петр посмотрел на Дениса:

– Слушай, а он быстро просек фишку, что потащим в ресторан! В самом деле, Володька, давай завтра-послезавтра завалим на вечер... да так, чтобы до утра! И новых телок, и вообще зажжем... Что пропито и про... пробаблено – то не потеряно! А в чем еще радости жизни?

Я умолк, вроде бы все сказал четко и ясно, даже повторился, но им как о стенку горохом. Вроде и не слышали.

Клара отыскала пульт от жвачника и деловито проверяет количество телеканалов, тоже своеобразная проверка крутости: много ли способен оплачивать. К несчастью, у меня, как и у всех, нет выбора, к любому нужному каналу всегда прицеплено с десятков других. Это называется пакетом, потому я с «Новостями технологий» получил пять каналов только о спорте и штук семь про клоунов, а с «Новостями хай-тека» мне всобачили такой же дряни еще больше. Так что да, у меня каналов несколько сотен, я по всем меркам крутой...

Денис сходил к женщинам, пошептался, затем вернулся и подсел вплотную.

– А в самом деле, – спросил он доверительно, – как тебе удалось вырваться из этой наркомании? Да еще и свою фирму открыть? Я вот этих игр боюсь, как огня. Я азартный. А мне так много нужно сделать...

Я смолчал, не зная, что ответить и как убедить, пробовал же вдолбить обоим, что я тоже когда-то полагал, вот завяжу с этими проклятыми играми, сразу так много всего сделаю! И то успею, и это, а еще и вот то, до чего руки все никак не доходят...

И что? Бросив баймы, на которые в самом деле убивал каждый день по несколько часов, подумать только, я на рывке сделал кучу работы. И уже прикидывал, святая наивность, сколько переделаю за год! Делал это просто: сделанное за этот день умножал на триста шестьдесят пять дней или сколько там осталось до моего конца. Цифра получалась настолько впечатляющая, что уже готов был шить добавочные карманы: один для Нобелевской премии, другой – для миллиона долларов.

Но пришел следующий день, потом следующий, с каждым днем производительность падала. Наконец я начинал выдавать продукции меньше, чем когда играл... непонятно почему. А то время, которое высвободил, вместо того чтобы все работать, работать и работать, то в инете ползал, то рассматривал голых баб, то читал светские сплетни, кто с кем трахается, кто с кем развелся, чего раньше никогда не делал, то вообще тупо бродил по квартире, не соображая, чем бы заняться.

Денис ждал ответа, я наконец проговорил, морщась:

– Дорогой Денис, да рассматривай эти баймы, как тот же отпуск!.. Когда едешь в Турцию на пляжи, не ждешь же, что там наработаешь много?.. Так и с баймами. Человек уходит в красивый виртуальный мир, наслаждается тамошним отдыхом, и стоит это ему намного дешевле, чем поездка на турецкие или греческие пляжи.

Денис возразил:

– В отпуск я еду раз в год!

– А перед жвачником сколько часов в день сидишь? – спросил я уже зло. – И что, прости за вульгарное выражение, смотришь? Какие такие каналы, если не стыдно признаться?

Денис надулся, сказал с достоинством:

– Почему это стыдно? Я познавательное смотрю. Про животных. «Звездная пыль» называется. И вообще, на что намекаешь? Телевизор – это культура, а после ваших байм люди выходят на улицы и прохожих убивают!

Петр зыркал из-под кустистых бровей, с юмором у Дениса хило, и сам это знает, просто фактурный мужик, что пользуется спросом у женщин, у него есть внешность, это достаточно, счастливое время наступило, когда и от мужчин требуется всего лишь то, что от женщин...

Клара положила на стол пульт, выбрав какое-то шоу с криками, диким смехом и гримами, подошла и села в низкое кресло так, чтобы я хорошо рассмотрел ее хорошо выбритую промежность без намека даже на стринги.

– Володя, – проворковала она нежно, – а куда ты нацелился в отпуск? Уже придумал, кого взять с собой, или будешь пользоваться туземцев?

– В отпуск? – пробормотал я. – Гм... Думаю, в Троецарствие. Там, на плато возле погасших вулканов, я построил добротную виллу. Хорошо обставил, стены украсил головами добытых зверей, на полу везде шкуры... Тоже сам! И убил, и снял сам.

Она охнула и смотрела на меня с раскрытым в восторге ртом, даже ноги раздвинула шире, показывая налитые гелем внешние губы, а Денис переспросил завистливо:

– Возле погасших вулканов? Это где?.. На Цейлоне где-нить? Или на Шри-Ланке?

Я пробормотал:

– Вообще-то еще дальше...

– Куда же дальше, – спросил он, – в Австралии разве что?

– Еще дальше, – ответил я. – На-а-а-много...

Клара смотрела непонимающе, а Петр хлопнул себя по лбу:

– А-а-а, прикалываешься?.. Круто!.. А я было поверил...

– А в чем прикол? – спросила Клара и закинула ногу на ногу.

– Это все придуманное, – сказал Петр с чувством полнейшего превосходства. – Это у него все в игрушке. Ненастоящее!

Клара напряглась и спросила у меня с недоверием:

– Он правду говорит?

Я виновато кивнул:

– Прости, он угадал. Только там все настоящее. Я сам участок покупал, дерево валил и доски тесал, кирпичи даже сам лепил... Хотя работников нанимал, одному не построить. Но обставлял все сам!.. Я, конечно, понимаю, что и в наше время все еще находятся совсем дикие люди, что, как во времена Марко Поло, должны сами поехать в дальнюю страну, чтобы своими глазами увидеть... ну, пирамиды или пальмы. Наверное, потому, что они, как и вот наши младшие братья, когда смотрят на фотографии или на экран телевизора, видят только смену яркости света.

Денис фыркнул:

– Ты нам умными словами мозги не пудри. Реальное – это реальное!

Я развел руками:

– Кто спорит? Вся суть в том, что ждете от реального. Того, что увидите больше, чем на экране? Или, давайте скажем честно, здесь все свои, вам нужна именно возможность потом во весь голос говорить гордо, что вы были в Египте и своими глазами видели все эти гребаные пирамиды? То есть не шупанье самих пирамид важно, а то, что об этом скажете?

Денис насупился, я видел, как зыркает по сторонам, наконец надулся и сказал гордо:

– Никогда эти картинки не заменят реальное!

– Никогда, – согласился я, хотя понимаю, что когда-то не просто заменят, а станут ярче и вещественнее любого рилайфа. – Просто я предпочитаю такие вот виртуальные путешествия. Мне они дают адреналина выше крыши! И вас я совсем не уговариваю в мир Троецарствия.

Клара смотрела на меня очень серьезно, я видел, как решает важную женскую проблему: снова сесть в прежнюю провоцирующую позу и раздвинуть ноги шире или же еще выше закинуть, демонстрируя лакомый пирожок, что пока под замком.

Петр сказал примирительно:

– Ладно, играй. По крайней мере, ты на своем хобби теперь и деньги заколачиваешь. Тебе можно... Но, может, в самом деле куда-нить на Цейлон в отпуск? Все-таки в Троецарствии бываешь каждый день...

Я помотал головой:

– Нет, там я только после работы, когда закончу все дела... Да и то все реже. Раз в неделю разве что. Час-два в самом лучшем случае. А то и вовсе некогда, я же человек теперь бизнес-менистый, на мне фирма висит со всеми ее радостями и неприятностями. А вот в отпуске оторвусь! У меня там столько дел намечено! Корабль все собираюсь достроить, в море выйду морских чудовищ лупить... На островах побываю, а то с грифона их видел, но посадки там не делают.

Я говорил мечтательно, они переглянулись, как люди своего круга, что в обществе дикарей с одного взгляда понимают друг друга.

Глава 11

Как только Клара и Нинель поняли, что, хоть лето близко, я про отпуск вообще не думаю, тут же переключили внимание на Петра и Дениса. Оба еще с зимы планируют оторваться на каком-нибудь дальнем курорте, где русских вообще еще не было, уже изучили туристические справочники, карты, ценники и рассуждают с жаром и знанием предмета.

Так вчетвером и распрощались, улыбаясь и обмениваясь поцелуями, настолько привычными, что уже и не выглядят насквозь фальшивыми. Весь мир фальшивый, этим только и держится. Кто-то из великих сказал однажды, что, если бы мы все увидели друг друга такими, какие мы есть, все в диком ужасе и отвращении бежали бы друг от друга.

Мама, прощаясь, поцеловала и сказала с укором:

– Когда ты только женишься?

– Мама, – ответил я укоризненно, – мне только двадцать! Это для Средневековья я уже весьма зрелый муж, чуть ли не пожилой человек!.. Да и вообще, следующая модель стиральной будет не только стирать, но и развешивать на балконе. Или гладить и вешать в шкаф. Зачем жениться?

Она вздохнула:

– Не покупай эту, последнюю... А то вовсе перестанем видеться.

Я обнял ее и чмокнул в щеку.

– Ну, мама!.. Я всегда тебя рад видеть просто так.

Подумал, что вот теперь, когда у меня своя квартира, в самом деле бываю рад, когда мама заглядывает ко мне пару раз в месяц. Когда жили вместе, терпеть не мог ее постоянное влезание в мою комнату, а вот так, да, неплохо даже. Все уберет, найдет пропавшие вещи, все расставит по местам.

Когда дверь захлопнулась и я вернулся в комнату, Евгения вышла с балкона, все такая же спокойная, с вопрошающим взглядом.

– Как ты? – спросил я.

Она ответила ровным голосом:

– Как и у всех. Живу, старею понемногу. Муж начал на работе задерживаться подолгу. Иногда и ночует там...

– Останешься? – спросил я.

– Да, – ответила она.

С ней хорошо и просто, никакой показной страсти или поиска добавочных стимулов. Я чувствовал, что лежу в постели с любимой женщиной, и понимал, что она ощущает себя так же. Обронила как-то, что любит засыпать в постели с мужчиной, только так спится комфортно. В этом случае секс где-то на третьем, а то и десятом плане, важно то, что мужчина рядом.

Мы так и заснули, не выпуская друг друга из объятий, а утром, когда я продрал глаза, она уже приготовила кофе и намазывала на поджаренные гренки тонким слоем мягкий белый сыр.

– У тебя уютно, – заметила она.

– Разве?

– Все под рукой, – пояснила она, – все на месте! У мужчин, кстати, всегда так, если живут одни. Это с нами разбрасываете все, а потом не помните, где что лежит...

– Спасибо.

– Тебе в самом деле, – сказала она, – нет нужды жениться ради уборки в доме, как большинству мужчин.

– Значит, останусь холостым?

Она слабо улыбнулась:

– Или женишься по любви.

Я поцеловал ее, чувствуя под рукой тяжелую горячую грудь. Мы быстро опорожнили чашки, она уже накрашена и готова к выходу, а мне готовиться не надо, хорошо быть самцом, мы пока еще в мире, где доминируем и устанавливаем правила...

С утра здесь дороги еще без пробок, я быстро довез ее до места службы, она поцеловала еще раз, ухитрившись вложить в него тепло и материнскую нежность. Дальше я пробирался дворами и все равно приехал, когда все трудились или делали вид, что трудятся, часа полтора без меня.

Впрочем, я шеф и хозяин, мне можно. Возле стола Василия Петровича собралась целая группа, нависают над ним, тычут пальцами в экран.

Я подошел неслышно, сейчас бы заорать и затопать ногами, кто-то бы точно лужу пустил, я страшен в гневе... надеюсь, но я успел ухватить краем уха, о чем разговор, и сказал с ходу:

– Стоп-стоп!... Еще там запишите крупными буквами: никаких смен дня и ночи!... Здравствуйте, кстати.

Тимур все же отскочил в сторону, будто я уже сказал над его ухом страшное «гав!».

– Шеф, как это?

– А вот так! – отрезал я. – Убрать на хрен. Раздражает эта темнота.

Он развел руками, обернулся к остальным за поддержкой:

– Люди, плюйте на него! Либо шеф переработался, что маловероятно, ибо он даже в кабинете играет в нечто, когда одна рука свободна!..

– Либо мы его задолбали, – предположил Гулько.

– Ага, – сказал Тимур. – Он забыл, что смену дня и ночи поддерживают даже баймы среднего класса! Сейчас погодные эффекты начали осваивать почти все. Ну там дождь, снег...

Я помотал головой, чувствуя, как кожа лица стягивается, выпячивая скулы, а сам я становлюсь злым и непримиримым.

– А на фига это нам?

Тимур растерялся, остальные смотрели тоже в непонимании, но помалкивали.

– Да ты что, шеф? Выгляни в окно! Не видишь, день, ясный день! А потом будет ночь на дворе, когда темень и ни хрена не видно!

– Вот именно! – сказал я резко. – Но здесь деться некуда, но в байме почему я должен делать себе же хуже? Я хочу приходить в прекрасный мир, где буду отдыхать, как на солнечном пляже! И бить мобов хочу в красивых местах, при ярком освещении, а не шурясь перед монитором, в попытках рассмотреть, что же там в кустах шевелится!.. Василий Петрович, вы человек мудрый. Как лично вы смотрите на смену дня и ночи?

Он в нерешительности почесал в роскошной седой гриве.

– Не знаю еще... Не думал как-то. Вообще-то все девелоперы гордятся, что их баймы поддерживают погодные эффекты, смену дня и ночи, но и вы, хоть и начальство, на этот раз правы... Мне самому, если честно, неприятно баймить, когда там ночь. А моя жена так вообще выходит из игры, когда в том мире наступает вечер. Вообще, если честно, я бы еще и деревья убрал. Достали!

Тимур ахнул, заорал:

– Деревья? Все? Что же это за мир будет?

Василий Петрович глубокомысленно пошевелил бровями, подумал и махнул рукой:

– Ну ладно, где-нить можно. Но только высокие, и чтоб ветки, как у сосен, на самой верхушке. А то я забодался пригibasь перед монитором и пытаться заглянуть под эти ветки, когда бежишь и не видишь, где моб затаился.

Тимур побагровел, я видел, что вот-вот взорвется от возмущения, но неожиданно заговорил Роман:

– А что, в этом великий сермяжный смысл... Меня тоже всегда напрягало. Дерешься и крутишь все время камеру, чтобы никакой второй моб не подкрался незаметно. Эти ветки раздражают здорово.

Тимур вскрикнул:

– Но ведь так и в реале!

– Знаешь, – сказал Роман, – тут Василий Петрович не зря ахнул, что у наш шеф хоть и шеф, но на этот раз не сел в лужу. В самом деле, на фиг нам так уж нужна реалистичность? Мы делаем мир, в котором приятно бывать, а не на потребу сотне-другой идиотов, что все равно найдут несоответствие с реальностью. Ну, всякие дебилы, что везде доказывают, будто двуручные мечи за спиной не носят!

Тимур поинтересовался ехидно:

– А их носят?

Роман отмахнулся:

– Кроме тех идиотов, никого это не интересует. Что двуручные мечи? Ты мне тогда объясни, как ты таскал в своем инвентаре семь разных мечей, три топора, четыре щита, двенадцать панцирей, шесть шлемов, восемь поножей, рукавицы булатные и наручники в количестве сорока штук, четыре булавы, семь палиц... не говоря уже про сто сорок снятых медвежьих шкур, триста волчьих, связку с клыками василиска, рыбью чешую, семьдесят пузырьков абиллок... и еще много всякой мелочи?

Скопа звонко расхохотался:

– Ну Тимур у нас богатырь, хоть и мелковат в кости, зато совсем круто, если такое таскает амазонка какая-нибудь в бикини. И ничего! А то, подумаешь, двуручные мечи! Не понимают, дебилы, искусства. Им бы все справочники читать, а не совать поганые рылы к благородным людям. Ишь, мечи не так! Придурки...

Роман посмеивался благожелательно, вид у него был такой, что это мы, придурки, реагируем на такое, наконец обронил свысока:

– Пиплы, вы чё? Не врубаетесь?.. Да им нужно выпендриться, грамотностью пощеголять! У них ничего своего нет, ни ума, ни интелехту. Вот и корпят над справочниками. Уедаю кого-то умно, они как бы доказывают, что они еще умнее. А так, понятно, говно полное. Сторище нулей. Не обращайтесь внимания, мы идем мимо и – дальше. Наша цель – создать мир, в котором захочется побывать. А тем, кто побывал, чтоб не захотелось его покидать. Это и есть главная цель, а не какая-то гребаная реалистичность!

Тимур рассвирепел, но молчал, перебирая доводы, а Василий Петрович в задумчивости поглядывал на всех из-под нависающих кустистых бровей, белых настолько, словно покрытые инеем.

– Роман прав, как и Владимир. Мы и в реале не очень-то обращаем внимание на реалистичность.

Тимур насторожился, уловив какой-то неясный намек:

– В смысле?

Василий Петрович ответил, помедлив:

– Да что имеет общего с реальностью такая странная, но почитаемая штука, как... любовь? Любить надо за деньги, за силу, за власть, за что-то реальное, а мы почему-то влюбляемся в такое... что потом самим бывает стыдно. Но в то время мы видим не то, что в реальности, а что хотим видеть.

Роман вклинился в размеренную речь художника с юркостью самого Тимура:

– Точно, Василий Петрович! Вон Тимур свою воробышкой зовет, а она когда у нас на весах встала, там пружина лопнула!

Тимур замахнулся на него, Роман ловко ускользнул и отбежал за стол.

Хлопнула дверь, вошла Алёна, рослая и крепко сложенная, похожая на героиню современных сериалов, где женщина бьет врагов задней ногой в челюсть, ломает им хребты, а раненых мужчин выносит, как котят, на одном плече, успевая еще и отстреливаться.

Шагает она широко, уверенно, упругая грудь слегка подпрыгивает, но не сексуально, а всего лишь чуть эротично, напоминая, что приближается все-таки женщина, но скорее тебе руку сломает или нижнюю челюсть вырвет, чем позволит себя полатать без ее милостивого соизволения.

– Ты чего расстроенная? – спросил Василий Петрович участливо. – Что с тобой, Алёнушка милая?

Она издали зашвырнула сумку в свое кресло, и та легла точно на середину сиденья, а ремнем зацепилась, как и предусматривалось, за спинку.

– Вы даже не представляете, – ответила она удрученно. – Здравствуйте, Василий Петрович! Низкий поклон, шеф! Привет всем!.. А у меня вчера случилась беда...

– Беда? – переспросил Василий Петрович. – Ох, дочка...

И хотя Алёна годится больше во внучки, она пожаловалась ему, как маленький ребенок:

– Захожу вчера в Троецарствие, а мне выдает «пароль неверен»! Я еще и еще, а мне это снова и снова... Перенабрала уже по бумажке. Вдруг сдуру какую букву перепутала... нет, все верно, а в ответ «пароль неверен»!

Тимур спросил с сочувствием:

– Хакеры акк взломали?

– И я так решила, – ответила она. – Сперва разозлилась, приготовилась письмо накатать деvelopepам, как да почему, еще хотела зайти в личный кабинет и проверить, как там у меня, но если бы я вспомнила, какую фигню там писала при регистрации!.. Словом, перекипела, а потом...

Она умолкла и оглядела нас блестящими глазами.

– И что? – спросил нетерпеливый Тимур, пока все разглядывали ее с понятным сочувствием, а Василий Петрович так и вовсе со скорбью.

– Потом вдруг сообразила, – сказала она с воодушевлением, – это ж сколько теперь времени свободного! Я ж не успевала даже новости просмотреть, в почтовый ящик по трое суток не заглядывала!.. Зарядку начну делать, а то спина совсем заостенела, уже придумала упражнение на растягивание, да все никак руки не доходили. Шейпингом займусь, на фитнес похожу... И вообще, сколько дел смогу!

Роман довольно потер руки:

– Хорошо. Вот мы тебя и нагрузим...

Она уныло вздохнула:

– Не выйдет.

– Почему? От общественных обязанностей отказываешься?

– Не отказываюсь, – ответила она еще печальнее, – ты же знаешь, никогда не увиливала. Но сегодня вот перед выходом на работу еще раз ввела логин и пароль. Просто так, уже не для проверки... а так просто.

– И что?

– Зашла, – сообщила она горестно. – Оказывается, на сервере был пустяковый сбой. Никто не мог зайти. Извинились в письме при загрузке. Так что у меня сейчас кач, кач и снова кач. А потом перейду в некрополь или каты, там тоже кач, кач... Пропало растягивание, пропали походы в театр, фитнес, шейпинг... Все накрылось медным тазом.

Она пошла на свое место, печальная и даже сгорбившаяся. Тимур посмотрел ей вслед и спросил в пространство:

– Может быть, баймы – все-таки наркотик?

Глава 12

Ближе к концу дня позвонил Леня Королев, теперь уже Леонид Николаевич Королев, исполнительный управляющий и все такое. Работает в крупном банке, мы знаем друг друга еще со школы, хотя он был на два класса старше, но мы играли в сборной школы по волейболу, и там он узнал, что я не просто лучший в математике, но с легкостью решаю задачи, что не каждому студенту по зубам. Сам он точно так же блистал в экономике, потому после школы закончил что-то финансово-экономическое, сумел себя показать, его взяли в банк, где быстро прошел ступени от помощника младшего экономиста до руководителя отделения крупного банка.

Он купил машину, когда я еще ездил на велосипеде, приобрел особняк, когда я взял в рассрочку дешевенький автомобиль, и что-то там еще купил и не забыл похвастаться, искренне уверенный, что я свои успехи оцениваю точно так же: кто сколько сумел купить и достаточно ли дорогое, чтобы тыкать другим в глаза.

На ежегодных встречах однокурсников он обожал появляться, жизнь удалась, все остальные неудачники, но там впервые услышал, что я получил какие-то международные премии за новые пути решения трудных задач, а также что я отверг ряд предложений о работе в коммерческих структурах.

Он такое понять не мог, я объяснил, чтобы отвязался, что нацелен на нечто более крупное, чем пахать на кого-то. Он умолк, но с того дня начал смотреть на меня с опаской и величайшим уважением.

Сейчас с экранчика айфона на меня смотрит профессионально улыбающееся румяное и безукоризненно гладкое, как круто сваренное и очищенное от скорлупы яичко, лицо. Нам еще рано прибегать к пилингам и ботоксам, но я уверен, что при первом намеке на морщинку Леонид побежит в косметический кабинет – банкир должен излучать молодость, уверенность и оптимизм.

– Привет, – сказал он. – На встрече будешь? Наша школа в этот раз соберется на неделю позже.

– Привет, – ответил я. – Откуда знаешь?

Он гордо улыбнулся:

– Так я в комитете по подготовке! Такие встречи надо готовить заранее. Тем более что только мы и можем чем-то похвастаться. Ты все еще занимаешься игрушками?

– Играми, – поправил я. – Вернее, баймами.

Он внимательно всматривался в мое лицо.

– Что ты помятый какой-то... И давно в парикмахерской не был, заметно. Не слишком ли большое значение придаешь играм? Хотя я слышал, в прошлом году большие бабки зашиб... Но в чем-то кинули...

Я вздохнул, не хочется ни говорить про кидалово, это один из столпов общества, ни объяснять про баймы очевидные мне вещи, но абсолютно дикие для нормального большинства, на котором держится мир. И так уже смотрят снисходительно, как на взрослого, что занимается какой-то хренью. Добро бы еще как хобби, а то всерьез...

– Пока они были играми, – сказал я, – кто их принимал всерьез? Хотя уже тогда мог понять, почему так самозабвенно торчу перед экраном...

– А теперь? – спросил он с интересом.

– Теперь стали баймами, – сказал я, – это тот уровень, когда начинают конкурировать не с какой-нибудь ерундой, вроде фильмов или вообще телевидением, а царем всех и вся – книгами!

Он хмыкнул:

– Ну, книги всегда были и останутся незыблемыми.

– И всегда будут ездить на лошадях, – сказал я ему в тон. Сколько раз говорил это таким же и сколько раз еще придется? Увы, «простых» переубедить непросто, но с таким контингентом происходят всегда странные вещи: в какой-то момент все «переубеждаются» как-то внезапно и становятся из враждебной массы вполне лояльными. Так было всегда, я, к примеру, помню кампанию против электрических кофемолок: во всех газетах доказывали, что только ручной помол обеспечивает правильный кофе. – Как ты быстро пересел на «мерседес»!

Он поморщился:

– Это другое. Но книги не тронь, твои игры с ними никогда не смогут тягаться.

Мне показалось, что возражает как-то не слишком увлеченно, словно думает о другом, а эти вопросы просто некое прощупывание, но я не то чтобы завелся, но трудно сослаться с накатанной дорожки, и я ответил весомо:

– Уже тягаются. Хотя баймы еще во младенчестве. Понимаешь, ресурс книг выработан целиком и полностью!.. Современный писатель расставляет буковки точно так же, как это делал Пушкин, Овидий или Навуходоносор.

– Теперь печатают, – сказал он важно, – на ноутах. А книги с бумаги переходят на харды.

– Верно, – согласился я, – но – буковки!

– И что?

– А то, что буковки уже развивать невозможно, а баймы – еще как!

– Фильмы же не вытеснили! – сказал он, защищаясь. – А как орали, что с кинематографом перестанут читать книги!

И опять слишком стандартное возражение, навязший в зубах пример. Понятно же, что у меня на такое найдется возражение. Что-то хитрит Леонид, не о баймах разговор...

– В фильмах смотрят то, – пояснил я, – что увидел режиссер. А в баймы недавно встроили функцию подстройки моделей по желанию баймера. Ты играешь не тем, что дают, как в кино, а сам делаешь все, начиная с внешности и одежды. Даже характер формируешь десятками, а то и сотнями ползунков. Сам делаешь вкусы, склонности, интересы, страхи... Да весь характер! Это даже больше, чем в книге. Там только внешность можешь придумать сам, да и то если автор сразу не укажет... Это основное, что роднит баймы именно с книгами и что является для книг наибольшей угрозой.

Он долго думал, наконец поднял на меня малость осоловевший взгляд, но лицо диссонантно остается все таким же профессионально круглым, сытым и довольным.

– Знаешь, – сказал он невпопад, – я дал твои координаты одному из наших слонов.

– Зачем?

Он сказал значительно:

– Когда видишь дядю с большими деньгами, его надо заинтересовать. Для него бросить тебе на лапу миллиончик долларов или евро, что для нас купить бутерброд.

Я покачал головой:

– Извини, мне этого не надо.

Он сделал большие глаза:

– Как это? Деньги всем нужны!

– Бесплатный сыр, – сказал я, – ага, спасибо. Никто даже рубля вот так просто не кинет. А если кто-то и кинет, сразу начну думать, что же ему надо? Может, и ошибусь с угадываниями, но одно будет точно: что-то получить хочет...

Он нахмурился, еще большее несоответствие тщательно выдерживаемому облику молодого банкира, постоянно ликующего от непрерывных побед и роста вкладов.

– Ты слишком уж, – сказал он, понизив голос. – У меня тоже крылья горели, ты не думай! Но я не стал таким... злобным. Просто он созревает для некоего заказа. Если уж совсем начистоту, то я готов вложить и своих денег толику. Только лохи держат свободные деньги на книжке!..

– Рассчитываешь получить с меня прибыль? – поинтересовался я скептически.

Он посмотрел на меня в упор.

– Рассчитываю. Но не потому, что ты – это ты. Тот слон, о котором говорю, удачливый слоняра. Пять лет назад сделал первую сотню миллионов долларов, два года назад у него уже миллиард, а сейчас, после ай-пи-о и победы на аукционе нефтяного месторождения... даже боюсь и подумать! Я по сравнению с ним не слоненок, а так, бурундук. Зато, где он урвет миллиард, я хапну миллион. Для меня и это пока деньги.

Я спросил напрямик:

– Так чего он хочет?

Он улыбнулся:

– Пока еще сам не знает. Но будь готов его встретить...

В кабинете я включил камеру слежения и всматривался в работающих. Может быть, это и неприлично в другом цехе, к примеру в слесарном, но над девелоперами всегда висит дамоклов меч, что могут украсть программный код, над которым весь коллектив работал годами. Потому и визуальное наблюдение, о котором все знают, и связанные в локалку компы сперва без права передачи файлов, а теперь и вовсе без выхода в инет.

Я все чаще занимаюсь работой совсем не творческой, то в банке, то в налоговой инспекции, то в мэрии, самое время кого-то официально утвердить в заместителях. Но если перебрать всех до единого, то все отпадают, за исключением, да и то с натяжкой, Тимура и Андрея Скопы.

До того как войти в мою команду, Андрей Скопа, которого все зовут Дюшей, хотя он старше многих из нас, работал хайдигером, так он называл свою профессию. Или специальность. Собственно, я тоже не знаю разницы между профессией и специальностью, так что пусть будет просто хайдигерство.

Проще говоря, он облегчал игрокам онлайн-байм жизнь. Очень многие, особенно недавно пришедшие из синглов, ужасаются, что здесь приходится баймить годами, чтобы пробиться на вершину. В играх за пару дней, в крайнем случае за недельку, все гады побиты, тайны разгаданы, вот она, победа.

А в байме приходится выполнять многочасовые квесты, а сам кач занимает не дни и недели, а месяцы и даже годы. И вот в этом случае он тут как тут. В общеигровом чате дает объявления, что меняет лишние игровые деньги на рубли или доллары, а потом вообще создал сайт, на который во всех играх всобачивал ссылки.

Я помню, как он, только услышав о презентации какой-то многообещающей баймы, тут же начинал собирать о ней информацию, изучал скриншоты, читал интервью с девелоперами и, конечно же, старался попасть в число первых тестеров.

К его счастью, разработчики ряда игр, в благодарность тестерам за помощь в выявлении багов, делают им своеобразный подарок: при общем вайпе оставляют их чаров с наработанными левлами и заработанными скиллами.

Это для Скопы самое главное и самое важное. Он с утроенной энергией прорывается к высшим левлам, начинает мочить мобов, из которых выпадает самый ценный лут, и полученные игровые деньги тут же продает за реальные.

Потом он подобрал еще пару ребят, что просиживают дни и ночи за компами, помог прокачаться, а они сдают ему за полцены игровое золото.

Понятно, что, помимо продажи игровых денег, он продавал все, начиная от доспехов и кончая абилками, также прокачивал за заказ персов и продавал готовых, создал службу сопровождения, чтобы любой новичок мог пройти в опасную зону под охраной высоколелевельных телохранителей, а также выполнял заказы по квестам, по добыче редких ресурсов и прочее, прочее.

Мамаши из окрестных домов чуть ли не молятся на него, а сперва проклинали, что приучил их детей к компа. Теперь, оказывается, дружки их чад пьют, курят, наркотиками балуются, в подъездах все вечера просиживают, а эти не только все время дома, но еще и деньги зарабатывают в фирме, которую открыл Дюша, а с того дня уже Андрей Скопа!

Когда в специализированных сетях мелькнула инфа про рождение еще одной фирмы по производству игр, Скопа только хмыкнул, но наткнулся на мое интервью, где я объяснил, что мне в современных играх не нравится, что очень не нравится, а что вовсе не выношу. Он заинтересовался и начал читать дальше, пока не дошел до последнего абзаца, где я вкратце объяснил, чего попытаемся достичь.

На следующий день он пришел к нам. Мы поругались, он ушел, но через три дня явился и сказал, что принимает наши условия. И с того дня никогда не вставал в оппозицию, как постоянно делает Тимур. Если что-то будет совсем уж не по нему, просто уйдет. И я не знаю, что лучше: постоянно возражающий Тимур или всегда соглашающийся Скопа.

Перед обедом, когда за столами начало пустеть, кто в кафе, кто в буфет, Тимур врубил жвачник. На широкий экран под взрывы утробного хохота из магазина вышла голая женщина, прохожие в шоке... у другой, спокойно подходящей к троллейбусной остановке, вдруг спадает верхняя часть платья, шокируя народ...

Популярнейшая передача «Новые голые», таких развлекаловок все больше ввиду востребованности. Народ обожает смотреть как на голых в общественных местах, так и на смущенные лица людей, перед которыми женщина вдруг оказалась в чем мать родила. Многие, не подозревая, что это все подстроено и что за ними наблюдает телекамера, спешно пытаются помочь, закрыть чем-то жертву, поднять платье и как-то закрепить лямки, все это в спешке и ужасно смущенные, их жены смотрят люто и оттаскивают чересчур услужливых мужей...

Роман взял пульт, картинка сменилась на внутренности Габалинской ГЭС.

Тимур сказал недовольно:

– Ты чего? Интересно же...

Роман изумился:

– Ты такое смотришь?

– Изучаю спрос, – ответил Тимур гордо. – Идет раскачивание устоев, надо фьючерсно забежать вперед и подготовить то, что будет востребовано в следующем году. И успеть срубить бабки.

– В следующем году у нас будет 3D-связь, – сказал Скопа. – Ваймакс и полуторатера-байтные диски.

– На этом не срубишь, – ответил Тимур авторитетно. – Во всяком случае, много.

– Ну да, – сказал Скопа, – на порнухе всегда зарабатывали больше.

– Надо успеть, – согласился Роман очень серьезным голосом. – Пока ее не отменили.

– Кого?

– Порнуху, – объяснил Роман внятно и ласково, словно недоразвитому.

Тимур изумился:

– Как можно отменить порнуху?

– Очень просто, – ответил Роман. – Но если не понимаешь, это хорошо. У меня будет меньше конкурентов, если вдруг и я решу... фьючерсно.

Мы потащились из офиса, Тимур снова исчез, он взял на себя добровольную обязанность прибегать в кафе первым и обеспечивать всем места.

Тарас Гулько, поигрывая могучими мускулами, сказал с брезгливостью:

– Если в нашей будущей байме... конечно же, супербайме!.. не сделаем нормальным людям привилегии, то я играть не буду! А таких, как я, учтите, треть инета.

Роман поинтересовался очень вежливо:

– А что такое нормальные в твоём исполнении?

Гулько посмотрел на него свысока, смерил взглядом с головы до ног и обратно, будто решал, удостоить ответом или пусть остается в дремучем невежестве.

– Нормальные, – изрек он снисходительно, – это нормальные. Европейцы со своим либертэ и всякими эгалитэ вообще свихнулись, это по сексменьшинствам особенно заметно.

– Не сворачивай, – напомнил Роман, – меня вот лесбиянки интересуют. И вуайеристкам я кое-что показывал... У нас одна живет через улицу, каждый вечер усаживается возле окна с биноклем... Да, так чем не ндравятся европейцы именно в баймах?

– Подписками, – сказал Гулько снисходительно. – Равная подписка для всех, вне зависимости от пола, возраста, цвета кожи и половой ориентации.

Роман изумился:

– Ты против?

Гулько отмахнулся:

– Я сказал, мне ближе азиатская модель. Никакой подписки, зато в байме, как и в реальном мире, одни добывают все тяжким трудом, а другие могут пройти фуксом. Как и в реале: одни на «шестерках» и «девятках», другие на «мерсах», а кто-то вообще пешком и на метро.

– Транзакции, – напомнил Скопа задумчиво. – Да, это неплохой путь. Но еще надо подсчитать, что лучше. Вот байма с самой большой аудиторией, ВоВ, вся по подписке!..

Гулько фыркнул:

– Что не мешает и там ловким ребятам зарабатывать, продавая за реал крутые доспехи и эпические мечи!.. Так лучше уж это взять в руки администрации, чем будут наживаться сами баймеры. Словом, никакой подписки, а эпика, героика и легендарика – только из рук особо уполномоченных НПСов.

Роман сказал задумчиво:

– А что, если кто-то из игроков продаст свой доспех другому игроку, будешь банить?

– Если за реал, – уточнил Гулько. – За реал могут покупать только у администрации.

– Завопят, что нечестно наживаемся... – сказал Роман задумчиво.

– Ответ один: зато нет подписки! Игра бесплатная. Можно ничего не покупать, а только выбивать куски, повышать свой левел харвестера и крафтера, а потом самому все собрать! Только и того, что будет несколько труднее. Но для настоящего баймера это не трудности! Зато для людей, занятых реалом, будет возможность зайти на час-другой, поиграть, не отставая от тех, кто играет по пять-семь часов.

Едва мы показались на входе, Тимур замахал руками, объясняя знаками, что занял для нас три стола и не пускает туда чужих. А чужие все, кто не мы, это и есть модель современного общества.

Мы расселись, Тимур заказал на всех, потому что Роман и Гулько продолжали спор, а Скопа жаловался мне:

– Надо убрать эту дурь, когда на конях заезжают в помещения. Добро бы в конюшни, а то в гостиницы, банки, ювелирные магазины! Да и в церковь верхом, нехорошо.

Гулько хмыкнул:

– Это пошло из Эверквеста. Там тоже верховые въезжают прямо в банки и вообще везде.

Скопа возразил:

– В Вангарде уже не въезжали. А его делала команда эверквестовцев.

– А как там? – поинтересовался Роман. – Запрет?

– Нет, – сказал Гулько, – просто в момент, когда пересекаешь черту дверей, оказываешься на своих двоих. Вот и все.

Они обратили взоры на меня, я подумал, покачал головой:

– Не знаю, не знаю... А где же воспитательный момент? Если бы коня отбирали насосем... чтобы потом снова покупать или, хуже того, добывать по долгому и утомительному

квесту. Давайте сделаем так: кто въезжает на коне в помещение, тому штраф и потеря экспы. Не так, чтобы делевел, но ощутимо. Так быстрее запомнят правила приличия.

Гулько оживился.

– А что, – сказал он заинтересованно, – если тогда и вообще правила этикета ввести? Ну, где можно?.. Например, заходишь в помещение, но шляпу не снял – р-р-раз и потеря очков! Не много, как говорит шеф, но чтоб заметно. А так как приходится заходить то в магазины, то в варехауз, то к крафтерам, то потеря особо тупым будет особо заметна.

Скопа буркнул:

– Ну да, особенно у хаев. Там каждая сотая процента дается кровью. Если введем такое, я свяжусь с Институтом благородных девиц и попрошу спонсорской помощи. Или гранты.

– А что, – спросил Роман недоверчиво, – такой институт существует?

Скопа пожал плечами:

– Когда Смольный брали – существовал еще. Но теперь же эпоха Реставрации? Наверное, существует. Куда еще разбогатевшим бандитам посылать дочек? Все аристократы – бывшие бандиты, пираты, разбойники. И деньги у них есть, есть...

Ножи и вилки застучали по тарелкам бодро, едва подали горячее, несколько минут все жевали молча, утоляя первый голод, потом Гулько сообщил несколько смущенно:

– Я вообще-то играю соло... Времени мало, прихожу на час-другой, некогда искать группу...

Я слушал, кивал. И другие слушали, кивали, но кто отводит глаза, кто смотрит прямо перед собой, стараясь, однако, не встречаться взглядом с Гулько.

Мы все, если честно, играем соло. В группы легко и просто сбиваются мальчишки. Они и на улице легко знакомятся, находят с ходу общие интересы и уже к вечеру неразлейвода. В онлайн так же легко сходятся, расходятся, находят не просто новые группы, но и друзей «навек». Но возрастной состав играющих стремительно взрослеет. Нет, старшее поколение не приходит и вряд ли придет в онлайн, но взрослеют сами играющие. Кто начал играть в десять лет, сейчас тому уже двадцать.

Глава 13

В первые онлайн-овые вообще играли одни подростки. Сейчас этим подросткам по двадцать пять – тридцать лет. Многим играющим уже за сорок. И возрастная планка будет все подниматься, так как играющие, увы, стареют. Но играть не бросают. Однако меняются не только вкусы, но и способность к адаптации.

Новые тенденции в мирах все еще усваивают, хотя некоторые и начинают ворчать на усложненность, однако, как и в реале, все труднее находят себе группы. И когда кто-то, подобно Гулько, начинает многословно объяснять, что играет соло потому, что приходит в игру на час-другой и не хочет полчаса тратить на поиск подходящей группы, он говорит правду только частично.

Увы, возрастные особенности диктуют миру соло. Это надо учитывать. Потому что взрослых будет все больше. Хотя, конечно, куда проще готовить рейдовых боссов, а также квестовых мобов для разных групп: смол, миддл, биг и лэдж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.